

18+

АШИМОВ И. А.

Я — есть Я

«Я-КОНЦЕПЦИЯ»: ТВОРЧЕСКИЕ,
ФИЛОСОФСКИЕ, ЛИТЕРАТУРНО-
ФИЛОСОФСКИЕ, ЛОГИКО-
ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ
(КНИГА 2)

И. А. АШИМОВ

**Я – есть Я. «Я-концепция»:
творческие, философские,
литературно-философские,
логико-философские
контексты (Книга 2)**

«Издательские решения»

Ашимов И. А.

Я – есть Я. «Я-концепция»: творческие, философские, литературно-философские, логико-философские контексты (Книга 2) / И. А. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643868-2

В научной монографии изложена сущность «Я-концепции» и ее главного элемента — комплекса неполноценности. В книге II отражен опыт анализа и синтеза творческих, философских, литературно-философских, логико-философских контекстов «Я-концепции». Изложен опыт формирования «Я-концепции», который был необходим человеку для преодоления своей тени. Человек понял «Я-есть Я», а также сущность своего комплекса неполноценности, который дал ему возможность достичь успехов, покоя и умиротворения.

ISBN 978-5-00-643868-2

© Ашимов И. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Попытка перепрыгнуть через свою тень	8
Глава 2	33
«Я-концепция»: творческие контексты	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Я – есть Я «Я-концепция»: творческие, философские, литературно-философские, логико- философские контексты (Книга 2)

И. А. АШИМОВ

*«Если вы чувствуете, что больше нет сил быть в тени, если
хотите идти вперёд к своим целям, то пора разобраться со своей
застенчивостью. Получилось у меня – получится и у вас».*

Ф. Зимбардо

© И. А. Ашимов, 2024

ISBN 978-5-0064-3868-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0064-3853-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Я-концепция» – это система моих представлений о самом себе, это образ собственного «Я», это установка к самому себе. Что касается моего «Я» как самого себя. В своей книге «Я – это Я» составив первую версию «Я-концепции», вдруг увидел себя и свой панорамный портрет, который ввергло меня в уныние. Однако, лично мне именно такой опыт был просто необходим – это было единственное средство, чтобы я пришел к пониманию самого себя, а то я всегда осознавал, что потерялся в этом мире или, наоборот, еще не нашел самого себя. И это на протяжении долгих лет жизни. Да, мой путь не был выстлан лепестками роз, и никто надо мной не порхал, но я доволен тем, как сложилась моя судьба, и у меня есть причина гордиться своими достижениями. Всему этому способствовало не что иное, как комплекс неполноценности.

В книге «Я – есть Я» представлен первый опыт обобщения творческих, философских, литературно-философских и логико-философских контекстов «Я-концепции». Между тем, это не что иное как опыт всесторонней научной «верификации» моего комплекса неполноценности. В книге «Апокалипсис смысла» – сборник работ западных философов XX-XXI веков философ Э.-М. Чоран в своей статье «Портрет цивилизованного человека» пишет: «... Комплекс неполноценности дает возможность своему хозяину взглянуть на мир по-новому, немного опечалится, тосковать, разочароваться в своих же творческих произведениях, дойти до печального откровения и открытия. И что в результате? Видимость берет верх над сущностью, суeta над покоем. Следуя своей извращенной натуры она заставляет человека добиваться „лучшего“, вопреки логики о том, что невозможно безнаказанно „совершенствоваться“ все больше и больше. Человек, опьяненный успехами, в полной мере познавший хвалу, славу возмнить себя Наполеоном...».

Такому человеку хочется развеять по ветру собственное «Я». Он приступает к формированию союбственной «Я-концепции», а между тем, это путь к быстрому прозрению и разочарованию, когда избыток или перегруженность успехами, заслугами, званиями лимитирует движение вперед. В данной книге я попытался обобщить опыт анализа и синтеза творческих, философских, литературно-философских, логико-философских контекстов «Я-концепции». В книге идет обрисовка моей личной попытки перескочить через свою тень. Получилось, как писал Э.-М. Чоран: «... Человек понял сущность своего комплекса неполноценности, которому, с одной стороны, не благодарен, ибо он заставлял его строить и верить в иллюзии, барахтаться и метаться по жизни, совершать ошибки и вести себя алогично, и в конце концов заставил его уткнуться носом в крах и разочарование, а с другой – благодарен ему за то, что преподавал человеку настоящий урок жизни, толкал его вперед, дал возможность ему проявить себя, достичь тех высот, о которых он и не мечтал, и в конце концов заставил уткнуться носом в состоянии самодостаточности, покоя и умиротворения...».

Данная работа выполнена в Виртуальном Институте Человека (ВИЧ) при Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР). Печатается по решению веб-редакционного совета ВИЧ. Рецензентом является Тогусаков О. А. – доктор философских наук, академик НАН КР. Книга рассчитана на студентов, магистрантов, аспирантов, научных работников, а также психологов, социологов, философов, интересующихся вопросами теории познания, социологии и философии науки, медицины, научного мировоззрения, мировоззренческой культуры.

Ашимов И. А.

Глава 1

Попытка перепрыгнуть через свою тень

На рубеже XX-XXI вв. сам того не ожидая внедрился в идейное поле профессии хирурга. Шло время, и мои счета с нынешним, довольно плачевным состоянием хирургии, лишь возрастали. В особенности на переломе веков, когда начался стихийный произвол во всей медицине, здравоохранении. Естественно, мне больше всего хотелось разбираться в возникших недоразумениях в сфере хирургии. Когда я думал о перекосах в идейных основах современной хирургии, меня охватывал ужас. Вот тогда то я и решил осмыслить философско-методологическую базу хирургии. Пробовал, блуждал, ошибался, но продолжал поиск. У профессора хирургии могли быть и другие интересы, увлечения, но нет же, ему захотелось, как это оказывается потом наивным побуждением – попытаться «вернуть» хирургию в свою нравственно-профессиональную рамку.

Нужно отметить, что мой учитель по хирургии, академик М.М.Мамакеев всегда считал мой интерес к философским вопросам плюсом: в смысле того, что я легко писал, был эмоционально вовлечен в проблему, стремился «дообразоваться». Его отличало умение «встроить» новых лиц не только в коллектив, но и в разные научные круги. В итоге личностной ориентации тематики и содержания будущей диссертации для каждого выстраивался свой научный путь (своя траектория) и появился свой вариант поддержки, в которой всегда присутствовало доверие к возможностям. Мне предоставлялась возможность выбора своего пути и своей научно-исследовательской линии. При этом у него, безусловно, было неосознанное психологическое состояние, базирующееся на трезвой оценке моего потенциала, моей предрасположенности к определенной активности в познании философских проблем хирургии. Как мне кажется, именно осмысление этого во многом не только определила мою готовность к последующему действию, но и во многом обусловило мою активность в разработке идейных вопросов хирургии.

Итак, завершив без чьей-либо помощи докторскую диссертацию по философии в один из дней, я осмелился зайти к нему. – «Мамбет Мамакеевич! Я, наконец, написал докторскую диссертацию по философии. Вот она», – сказал я, положив ему на стол увесистую рукопись. – «Ай, молодец!» – воскликнул он, – чем тебе помочь? – «Нужно переговорить с академиком А.Ч.Какеевым, чтобы он дал согласие быть научным консультантом», – сказал я. – «Собирайся! Поедем к нему вместе», – решительно сказал он. Спустя полчаса мы были уже в приемной ректора Кыргызского государственного университета. Академик А. Ч.Какеев, глубоко почитавший Мамбета Мамакеевича, тут же дал согласие, даже не посмотрев саму диссертацию. Спустя три месяца я уже защищал диссертацию в стенах Института философии Национальной академии наук Кыргызской Республики.

Только сейчас понимаю, что процесс написания моих двух (первая – по хирургии и патофизиологии, вторая – по философии) докторских диссертаций были под их постоянным контролем и заботой. М. Хайдеггер (1889—1976) описал «заботу» как онтологически-экзистенциальную характеристику человека, через которую тот осуществляет бытие в окружающем мире и со-бытие с другими. Именно такая философская трактовка соответствовала жизненной позиции моих учителей – академиков М.М.Мамакеева, А.Ч.Какеева. Обращаясь в прошлое, можно заметить, что, вступая в науку и медленно продвигаясь в новом для себя поле, я получал от научных руководителей самые разные виды поддержки, главным образом, жизненного характера. Имея разный по объему научный багаж и опыт, но общее ощущение счастливого «ученичества», пересекаясь в научно-практическом пространстве, мы – их ученики и последователи понимаем, что настроены на одну волну. Меня всегда окрылял позитивный настрой на работу и понимание того, что продолжаем жить в едином поле «научно-нравственных» ценностей, умело созданном моими научными патронами, соавторами моей жизненной

т научно-образовательной траектории. Несмотря на слегка гротесковый характер диссертационного исследования, мне удалось все-таки охарактеризовать целевой стержень современной хирургии, составить некий «социально-психологический портрет» современного хирурга и прогнозирую картину хирургии будущего.

Уверен, что моя работа не была похожа на результат традиционной для того периода игры – смещения акцентов и ударений. По мнению моего официального оппонента по моей докторской диссертации «Анализ и синтез философско-методологического основания хирургии рубежа XX и XXI веков» (2001) – доктора философских наук, профессора М.Т.Артыкбаева, я смог интерпретировать суть хирургии – «хирургия как сфера человеческой деятельности, направленное на эффективное изменение человеческого организма или иначе хирургии – это упорядоченная система знаний о позитивной эффективной изменении человеческого организма». По итогам защиты диссертации и обобщения соответствующих трудов, я написал объемную монографию «Диалог с самим собой» (2001). Прочитывая ее, я вновь и вновь осознавал, что так и не смог, оказывается, выйти за пределы собственного переживания, мыслей, рецептов разрешения многочисленных проблем. Вдруг увидел, что, оказывается, нескольких десятков страниц вполне было достаточно, чтобы выложить в книгу все, что было необходимо опубликовать и довести до сознания хирургического сословия. В те годы я остро чувствовал, что все будет разрушено, никаких нравственных заповедей в хирургии, никаких рамок и пределов допустимости, лишь деньги, деньги еще раз деньги. Что будет с хирургией, с ее идеалами, нормами «далее в будущем» только маячило на границе сознания. Было такое ощущение, что в хирургии ничего святого не останется.

В жизни и практике в тот период кризиса повсеместно, на первый план, начали выступать бойкие и деловые хирурги, профессиональный уровень которых был достаточно сомнительным. Они самостоятельно устанавливали предельные размеры своего «гонорара» за операции, благодаря, чего в обществе постепенно начала складываться мнение о том, что, «чем больше размер оплаты хирургической услуги, тем выше гарантия их качества». Будучи уже профессором, видел, как поток хирургических больных к таким дельцам от хирургии стал больше, чем к профессорам от хирургии, которые, безусловно, были более опытными и результативными, однако, им не хватало предприимчивости, деловой хватки и навыки толкаться локтями, пробивая свои интересы профессионального, научно-методического и жизненно-бытового плана. Вот-так рейтинг настоящих специалистов, но совестливых, нравственно устойчивых, стал падать.

Поверив в закон, логику, факты, сосредоточившись на них, я с тревогой и раздражением обнаружил, что наука, в которую я верю, противоречива. Она опирается на факты, стоит на законах, а движется и развивается средствами, противоречащими ее сути. Не разумными шагами, а скачками, догадками и разгадками – средствами, которые вовсе из иной области! Однажды, я понял, что опираться лишь на классическую науку будет недостаточно. Интуитивно почувствовал преимущества ряда принципов неклассической научной рациональности. Постепенно погружаясь в проблему рационального объяснения мироздания, обнаружил, что многие необъяснимые вещи может объяснить лишь постнеклассическая наука. Ощущал противоречие: занимаюсь вроде бы делами логики и разума, а продвигаюсь к истине путем непонятных скачков и догадок. Приняв этот стиль науки, как свой, я пришел к странным выводам. Я был интуитивен насквозь, но при этом старался запретить себе интуицию. Я видел, что современная классическая наука сильна и строга, она высший продукт окружающего нас мира, в целом враждебного и хаотичного – и вытаскивает из хаоса нить закономерности, которая пусть запутана, но непрерывна. Постнеклассическая наука предполагает более свободный и рациональный путь к истине. То есть движение не от факта к факту, верить интуиции, интуитивным догадкам, а также проверки на перекрестках других наук, использования идейного их багажа. В этом аспекте, период 2001—2004 годов были для меня переломными.

Вспоминается такой случай. В 2004 году в честь очередного дня рождения нашего академика Мамакеева М. М. наша лаборатория организовала научный симпозиум «Неонеклассическая наука – наука XXI века». Столичное хирургическое сословие собралось в актовом зале Национального хирургического центра. Предполагалось, что симпозиум откроет член-корр. М.М.Мамытов – наш ведущий нейрохирург, руководитель соответствующей кафедры медакадемии, поздравит именинника с днем рождения, а затем будут заслушаны шесть программных доклада, касающихся всех аспектов неонеклассической науки, а потом уже приветствия и поздравления виновника торжества будут продолжены, в том числе в неофициальной обстановке, то есть на банкете. Для меня был исключительно важным научная часть симпозиума. Мне хотелось, чтобы наша профессура, ученые, творческая молодежь вникла бы в суть этой новой научной рациональности, которая пока в нашей стране, к сожалению, еще не прижилась. Вся отечественная наука шла традиционным путем под эгидой все той же классической науки. А между тем, времена изменились, изменилась сама система взглядов на науку, ее философско-методологические основания, появились новые научные принципы, не подвластные ни классической, ни неклассической науки. Да и в зале многие были настроены все-таки познать основные идеи и принципы неонеклассической научной рациональности.

Однако, председатель симпозиума, член-корр. М.М.Мамытов, нисколько не скрывая свой скепсис и иронию, с недоумением повертел в руках программу научного форума, специально коверкая слова прочитал тему, посмотрел в зал и выпалил: «Странное название! Странная наука! Вряд ли наша сегодняшняя аудитория поймет инициаторов и докладчиков. Так, что предлагаю продолжить приветствия и поздравления нашего шефа!». Раздалась овация и все пошло на запланированный банкет. Что это было? Откровенный игнор, шапкозакидательство? Конечно же наш «главный мозговед» всегда преуспевал в этом деле, а также, как ни странно, в нумерологии (!). А мы – наш коллектив остались в зале оплеванными, растерянными. Такова была неудачная попытка обратить внимание ученых на новую научную рациональность. Однако, я, как инициатор этого симпозиума продолжал и далее активно популяризировать основные принципы и идеологию неонеклассической науки. Уверен в том, что и наша отечественная наука, его организаторы и вдохновители, постепенно поймут и примут эту рациональность, ибо, это веление времени.

На II-Конгрессе хирургов Кыргызстана (Бишкек, 1995), принимая во внимание результаты моих исследований в области анализа и синтеза философско-методологических оснований хирургии рубежа XX-XXI вв., в какой-то мере очерчивающих рамки профессиональной деятельности хирургов, а также мою обрисовку портрета современного хирурга, меня избрали «Хранителем хирургических традиций». Мною было предпринято много усилий по сохранению благородных традиций в хирургии. Однако, обстоятельства и время сыграли свою негативную роль. Особенно неприятно было видеть, заявку все большего числа хирургов о себе как о выдающемся профессионале, что в собственных глазах оправдывает требование денег за проведенное или планируемое лечение. Кардинально изменились взаимоотношения хирургов и больных – удовлетворение личных профессиональных амбиций за счет пациентов. Желание хирурга выделиться, продемонстрировать свою неординарность, талант не должны быть реализованы за счет жизни и здоровья пациентов.

С каждым годом увеличивается число крайне сложных рискованных оперативных вмешательств с замалчиванием неудач. А ведь именно жизнь каждого больного должна быть предметом переживаний хирурга и определять его профессиональную состоятельность. Этот вопрос имеет существенное значение в рамках проблемы конкуренции специалистов в медицине и в хирургии – конкуренции за приоритет той или иной операции, престиж, занятие должности и, во многом, за больного. Любая конкуренция создает существенные предпосылки для прогресса, улучшения качества работы, развития хирургии в том или ином хирургическом центре лишь при условии цивилизованного морально-этического отношения хирургов друг

к другу и к своей профессии. А на деле ложные амбиции, нежелание огласки кажущейся профессиональной слабости, конкретные конъюнктурные особенности взаимоотношения хирургов, желание продемонстрировать несостоятельность коллеги с целью его дискредитации.

Мне, конечно же было, непросто констатировать в то время необратимое изменение самой сути хирургии и хирургов самих. Любой предвзятый читатель или наблюдатель знает мое усердие в качестве хранителя хирургических традиций, мое стремление связать хирургическое сословие страны особой моралью. Однако, все заканчивалось в той или иной мере трагично лично для меня. Подняв научную работу на новый уровень, выстроив стратегию развития нашего центра в будущее, наметив основные направления деятельности структурных подразделений, подготовив множество остепененных хирургических кадров по разным причинам и обстоятельствам, я был постепенно «выжать» за пределы круга лиц, принимающих решения. Когда-то в молодости, именно здесь я впервые осознал себя хирургом, понял, что значит хирургия для меня. Лишь позже все, что касается моей любви к хирургии я описывал в своих философских произведениях. «Философия хирургии – это хирургия, выраженная в мыслях» – таков был общий пафос моих произведений по философии медицины. Я же, будучи разочарованным и находясь в таком же настроении, как и мои ученики, принял предложение заняться экспертной деятельности на посту Начальника экспертного отдела Национальной аттестационной комиссии Кыргызской Республики.

Созидание – странная вещь. Чтобы создать порядок, организованную систему, придать новую форму и смысл содержанию работы иногда нужны особые условия. Между тем, это и есть новая ступень, новое качество, – рассуждал я, осмысливая свое будущее уже вне Национального хирургического центра. В те минуты почему-то мне вспомнились слова Олега Роя (1998): «Следуя по дороге жизни, нужно научиться без сожаления оставлять позади все то, что затрудняет твой путь вперед: плохие воспоминания и старые обиды, прошлые ошибки и бывшие разочарования, а главное – людей, доказавших своими словами и поступками, что вам с ними больше не по пути...». В жизни мне не раз вспоминалось на своем пути афоризм: «Остановись, путник, и оглянись: не слишком ли далеко ты ушел? Не осталось ли сзади то, что ищешь впереди?». Еще и еще раз приглядывался к стилю своего научного творчества. Мы проживаем свою жизнь, трудимся, совершенствуемся, чего-то достигаем, получаем признание, но, в то же время, забываем, что для этого нужны, прежде всего, взрастить и накопить в себе нравственность, увлеченность, трудолюбие. В чем мы виноваты? В рвении во имя науки? В полной нашей самоотдаче ради науки? – задавался я. Иногда мне казалось, что моя отвлеченность и замкнутость не были следствием ощущения какой-либо ущербности или неуверенности в себя, а была замкнутостью исключительно занятого ученого.

Да! У меня был свой мир – глубокий, неведомый, интересный. Почему-то вспомнился мой научный руководитель по кандидатской диссертации профессор В.Г.Харченко. Уже признанный ученый, но мягкий, бесконфликтный человек, самый, что ни есть глубокий конформист, которому все равно, что происходит вокруг, что о нем говорят. Помнится, институтское сообщество недоумевало в отношении абсолютного его равнодушия к званиям, поощрениям, наградам. А ведь наши отечественные профессора были глубоко убеждены в том, что любой трудовой и научный успех обязательно должен быть отмечен «красными флажками» государственного внимания и почета. За моей спиной говорили, что и я по стать своему научному патрону. Я понял и другую истину. Любой коллектив ученых всегда разнороден и найти единомышленников в некоторых вопросах исследований практически бывает невозможным, и тогда ученому остается уповать исключительно на свои силы и возможности. Так, видимо, формируется психология ученого-одиночки. Я видел таких ученых в «большой науке», когда я работал в Национальной академии наук Кыргызской Республики в период 2008—2021 годов. Меня всегда интересовал вопрос: что толкает таких ученых отрешиться от всего мира, стать ученым-отшельником? Я понял, что для ученых-одиночек кроме науки ничего не существует.

По сути, такой ученый живет одной наукой. Я видел не одного ученого-одиночки, который, когда о чем-то рассказывает мягким, но отчетливым голосом, немигающими глазами смотрит на тебя, но ты знаешь и понимаешь, что он не видит тебя, что он смотрит сквозь тебя, что в мыслях своих он не здесь, не тут, а где-то далеко-далеко.

Много лет тому назад при просмотре фильма «Франкенштейн», я запомнил закадровые вступительные слово о том, что «страсть к познанию является причиной горя и несчастий». Жизнь и практика показывает, действительно, страсть и познание – это взрывоопасная смесь. Шли годы. В 1995—2005 года моя научная школа еще что-то делали, экспериментировали, проводили семинары. Но ощущение было такое, что что-то главное уже пропало. Осмысливая те года, я сейчас думаю, было замечательно то, что даже на таком маленьком месте и на таком, сугубо прикладном научно-лечебно-учебном учреждении, каковым был Национальный хирургический центр, пересеклись разные интеллектуальные линии – хирургия, физиология, методология, социология, философия. Возможно, многим наблюдателям со стороны было забавно смотреть на то, как в этом центре, параллельно хирургическим работам разрабатывается фактически инициативная в своей основе отечественная социология и философия медицины.

В 1999—2000 годах я напросился и прошел стажировку по философии в Институте философии Национальной академии наук Кыргызской Республики. По итогам работ в направлении «Философия медицины» в 2001 году мною была защищена вторая моя докторская диссертация «Анализ и синтез философско-методологического основания хирургии рубежа XX и XXI веков». Нужно отметить, что такая работа была выполнена в рамках СНГ впервые. В том же году вышла моя книга «Диалог с самим собой» (2001), обобщающая исследования в сфере онтологии и теории познания. Связь хирургии и философии выглядела, конечно, экзотично. Однако плотность и концентрация содержательных контактов отразились и на судьбе самой Проблемной лаборатории клинической и экспериментальной хирургии. Мною была предпринята попытка отмежевать «хирургию» и «философию», создав внутри лаборатории «Общество биоэтических исследований имени Ибн Сино», в порядке различения двух институциональных форм – «производство» и «клуб». В клинике («производство») хирурги выполняют свои функции, а рядом отдельно выстраивается клубное пространство, в котором ученые разных профилей вступают друг с другом в научное общение. Разумеется, это сугубо искусственно созданное научное соседство. Но иной модели для мобилизации человеческих и научных ресурсов по раздвиганию границ познания в медицинской науке у меня не было. После моего ухода оно прекратило свое существование. Между тем, попытка создавать какие-то искусственные площадки для развертывания гуманитарных исследований, наряду с естественно-научными мною предпринималось и позже. В частности, когда я занимал должность Главного ученого секретаря, а затем Председателя отделения химико-технологических, медико-биологических и аграрных наук Национальной академии наук Кыргызской Республики. Это касается создание Виртуального Института Человека и научная коммуникация на базе двух авторских научно-познавательных веб-сайта: www.Cassanra-Reflekshn.ru (2012—2017); www.Internet-Instytut-Cheloveka.ru. (2021). Возможно, многим казалось странным, что я до сих пор отчитывался по своей научной деятельности сразу в двух отраслевых отделения – естественных и гуманитарных наук.

С высоты прожитых лет, могу сказать, что, к сожалению, несмотря на все наши попытки разбросать идеи физиологического направления хирургии повсюду, создавая событийные места мысли, выступая открывателем новых, интеллектуальных территорий, наши мысли и идеи так и не прижились в тех учреждениях, где мне пришлось трудиться: Национальном хирургическом центре, Национальной аттестационной комиссии Кыргызской Республики, Национальной академии наук Кыргызской Республики. В таких крупных учреждениях национального значения наиболее востребованными личностными качествами работников является не только умение, но и скорость решения сложных профессиональных и социальных задач,

а следовательно, они должны обладать не только критическим мышлением, ответственностью, а также, безусловно, компетентностью и навыками координации, обладать в какой-то степени дипломатичностью и когнитивной гибкостью. А ведь в таких специфических сферах деятельности – хирургия, физиология, философия, педагогика, писательство нужны разные уровни и элементы, так называемых «твердых» и «мягких».

Таким образом, миссионера из меня не получилось. Но от этой идеи я не отказался. Понимая, что миссионеры живут в дороге, пытался воплощать своей жизнью принцип личностной навигации: проторить новые пути посредством постоянного подключения себя к рамке мышления и блуждание по другим учреждениям в поисках живых мыслящих собеседников. Глядя на весь свой путь сверху, вижу, что всегда, на всех этапах, обычно не отдавая себе в этом отчета, я искал равновесия, внутреннего спокойствия, уверенности. Но в отличие от других, я оказываюсь насилую свой интеллект, чтобы быть цельным и свободным. Возможно, такой способ достижения самодостаточности и верно, но с точки зрения оптимологии, явно нецелесообразно. Так или иначе, в своей траектории жизни и работы я вижу внутреннюю закономерность – явное движение в сторону большего равновесия и цельности личности, пусть с ошибками, отклонениями, блужданиями, скачками из крайности в крайность. Возможно потому, итоги и результаты моей жизнедеятельности, на мой личный взгляд, не столь уж очевидны и не столь уж высоки. А с другой стороны, кто как думает, но моя сложность – это моя проблема, в конце концов. Как мне поступить, столкнувшись с завуалированным намеком на мою, скажем, несоответствие той или иной специальности – хирургии ли, физиологии ли, философии ли, писательству ли, выражающимся в насмешливом, слегка озабоченном «Да, ну! В самом деле?» и поднятой брови, намекающем на сомнение. Мой комплекс неполноценности пытается затащить меня в козни и интриги, тогда как мой комплекс превосходства говорить: «Подними правую руку. Затем резко опусти ее и скажи с глубоким выходом – «Да, пошли вы все...».

Действительно, внутреннюю борьбу за равновесие и цельность у меня была непростой. Сначала грузом детской застенчивости и комплекса недостаточности, а затем постоянным внушением себе самому о том, что тебе то или это не дано, которая постепенно переросла в глубокое сомнение и страх. Тот самый комплекс неполноценности, который когда-то помогло выжить и встать на ноги, потом стало мешать, тормозить мое же развитие. Но тот же комплекс неполноценности, потому уже трансформированный в комплекс превосходства, постепенно освободил, хотя и не полностью, меня от неуверенности и излишней закрытости. Можно ли говорить о союзе вышеприведенных комплексов или же о комбинированной их диктатуре надо мною? В этом аспекте, я до сих пор сомневаюсь в том, что являюсь ли человеком творческим или же мое творчество – это не столько призвание и потребность, сколько подходящий для меня способ уйти от растерянности, неуверенности, страха в поиске своего равновесия и цельности. Джим Керри (2012) высказал такой афоризм: «Если вы уходите и вас никто не зовёт обратно – вы идете в верном направлении».

Само по себе интересным является уяснение связи жизни и мысли философа, с одной стороны, и места его обитания, с другой. Речь идёт о прецедентах создания автобиографии места через автобиографию философа. «Для философа нет большей угрозы, чем биография, любая, и его собственная в первую очередь. Реальный философ, начав философствовать, отбрасывает и свою, и чью бы то ни было биографию. Биография нейтрализует самые интересные точки в мышлении», – писал А.М.Пятигорский (1929—2009). «Ты являешься в мир вообще, как никто, как вещь среди вещей. Тебе ещё предстоит создать то, чего не было, подняться, что, собственно, и есть дополнительный смысл феномена мысли: мысль как зрение, умозрение, видение», – писал М.К.Мамардашвили (1930—1990). Получается следующее: смотреть, прозревать, подмечать, мыслить, размышлять, выстраиваясь в долгую вертикаль, ища себе место, подыскивая, подстраивая его под себя. Я долгое время работал в Националь-

ном хирургическом центре, потому не имел никакого отношения к академической философии. Между тем, я долгое время пытался выстроить свою концепцию методологии науки, опираясь на достижения клинической и экспериментальной хирургии рубежа XX-XXI вв., стремясь построить логику и эпистемологию на конкретном материале.

Собрать молодых исследователей, как единое сообщество с концептуальным ядром единомышленников и последователей физиологического направления в хирургии. Помнится, первичный коллектив создан, начались семинары, как особая «организационная ячейка», как место мысли. Сейчас я с удовлетворением вспоминаю эти семинары. Остались сборники научных работ, доклады, статьи, то есть в виде диссеминации наших идей и концепций не только в области хирургии, физиологии, методологии, но и социологии и философии медицины. Методология, а также философия через нее, как живое мышледействие, а не академическая дисциплина, медленно и робко укоренялась в Национальном хирургическом центре. Постепенно, это место загоралась новым светом – светом уже не медицинской, а философской мысли. Хотя первые попытки мыслить на новом уровне у сотрудников были неуклюжими и робкими. Это было необычным явлением для самого коллектива, который всегда выступал убежденными сторонниками анатомического направления в хирургии. И вот на такой тонкой событийной линии выстраивается весьма хрупкая духовная эстафета, которая в любой момент могла в одночасье прерваться. К сожалению, такое случилось, когда «всю науку» в данном центре передали в ведении новоявленного доктора наук, далекого от науки, вообще. Я же в знак глухого протеста принял приглашение занять должность проректора по научно-учебной работе Кыргызского государственного медицинского института переподготовки и повышения квалификации, хотя знал и понимал, что это не мое. Точно также я некогда уже уходил из центра на должность начальника медико-биологических, химических, ветеринарных, сельскохозяйственных наук Национальной аттестационной комиссии Кыргызской Республики. По сути, они были для меня площадками, чтобы переждать, сделать паузу, одуматься, осмыслить ситуацию и вновь ринуться в новое направление. Однако, каждый раз возвращаясь в клинику, мне думалось, что это весна, а оказывалось, что это оттепель, когда вновь мои устремления маялись в темноте. Я понимаю, что такие решения были результатами неадекватности моей логики здравому смыслу.

Помнится, в 2003 году произнес «Актовую речь» в Национальном хирургическом центре на тему «Философско-методологическое измерение пределов допустимости пересадки жизненно важных органов». По сути, я подвел итоги своего пятидесятилетия жизни и двадцатипятилетия хирургической и научной деятельности. Я заметил, что после пятидесяти лет, когда я занял некий социальный и профессиональный статус, для меня более значимыми становились семейные отношения. Оказывается, согласно психологии, именно в таком возрасте проявляются особенности «Я-концепции». Человек реально оценивает себя как личность, самооценка становится обобщенной. С высоты прожитых лет, становится понятным, что наши родители, воспитывали нас по так называемой властной модели. Мы выросли с заниженной самооценкой, стали в меру замкнутыми и с малым доверием к людям. В то же время, стараясь не повторять ошибки своих родителей, оказывается, я как родитель принимал участие в воспитании детей по так называемой снисходительной модели. Я не предъявлял к детям больших требований, был с ними снисходительным на грани почти равнодушия к их делам, устремлениям, интересам. В результате, такой вот потворствующей протекции у них сложился индивидуализм особой модели. Объявив в своей актовой речи мысль о том, что «после пятидесяти лет жизни человек продолжает идти вперед, но задом наперед» я, почему-то с каким-то нетерпением ждал своего пенсионного возраста. Я не боялся потерять свой прежний социальный статус, свою самооценку, самоуважение, так как уже начинал понимать и осознавать, что нужно постепенно отходить от активной деятельности. Понимал, что на быстрый и безболезненный процесс адаптации к пенсионному образу жизни влияют выбор нового и интересного занятия.

Было время, когда я, став пенсионером, но продолжая работать в системе Национальной академии наук Кыргызской Республики, почувствовал, что вокруг меня «свое» пространство, в котором мне легко, и непринужденно. Я теперь был не так скован и узок, не так прямолинеен к истине, более терпим его вариантам и версиям. Разумеется, выстроенная мной система взглядов в отношении результатов научных исследований, оценки правоты и состоятельности новых данных и их концептуальных значений, была более гибкой, разносторонней, многоаспектной. Я уже не раз говорил о том, что во мне с детства было мало здравого смысла и практической сметки. С детства привык, что хорошее всегда дается трудно, требуя всего тебя. В этом аспекте, любые исследования в области медицинской и физиологической науки пытался выполнить, выбирая сложный путь, обязательно включая методологический компонент соответствующей науки. Такая высокая плата за научную истину успокаивала меня, а большие усилия только подчеркивали высоту задачи. Вместе с тем, что странно, меня всегда раздражало то, что некоторые исследователи ухитрялись получать какие-то неплохие научные результаты, стоя на скользкой льдине, с глубиной под ногами. В отличие от них я хотел чувствовать почву под ногами. Я постоянно чувствовал, что работаю на границе своих возможностей, много читал, вникал, в поиске основания не только полученных результатов, а всей своей науки. Вот-так, постепенно я начал терять интерес к частным клиническим научным исследованиям, постепенно смещая свои интересы в сторону методологии и философии, совершенно не теряя при этом связи с физиологией и медициной.

Однажды я понял, что для меня начинается новая эра – эра приобщения к философии. Я был в растерянности, а чтобы посоветоваться и поговорить у меня не было ни одного знакомого философа. В один из дней оперировал одного человека, который оказался кандидатом философских наук. Познакомились, поговорили на счет того, к чему приложить свои силы вначале. Разумеется, этот человек скептически отнесся к моему желанию всерьез заниматься философией, но из-за своей корректности, виду не подал и попытался направить мое внимание на чтение философских трудов. Я принялся усердно читать философскую литературу, вникал в свою, по сути, предполагаемую задачу в области философских исследований, с тревогой следил за тем, как мировая философская наука лихим галопом удаляется от меня. А я даже еще и не начал. В тот период жизни во мне преобладала страсть к философскому знанию, к ясности сути многих явлений и не только в сфере науки. Многие отнеслись к моему новому увлечению с непониманием.

Приобщаясь к философии понимал, что в сущности медицину, а затем и физиологию, мне пришлось познавать во всей их глубине, а не перескакивая через них. Причем, делал это из понимания того, что познавать философское основание современной медицинской и физиологической науки с ее новыми постулатами и парадигмами – веление времени и обстоятельств. На этом пути никто мне не сделает уступок и поблажек, наоборот, вызовет у многих ученых, в особенности, философов, раздражение, злость, негодование, вплоть до открытого противостояния. Между тем, я хотел «внедриться» в философию, и в то же время вести себя тихо и мирно, то есть никому не мешать, не досаждать своим незрелыми философскими рассуждениями. Помнится, я добросовестно избегал встречи с философской общественностью, вплоть до официального предзащитного рассмотрения моей диссертационной работы «Анализ и синтез философско-методологического основания хирургии рубежа XX-XXI веков». Вот тут-то я почувствовал все предубеждения нашего философского сообщества о том, что нечего делать непрофессиональным философам в их поле деятельности. Естественно, была критика – жесткая, но предметная, конструктивная. Пришлось еще года два поработать над диссертацией. Защита прошла удачно и лишь тогда заговорил о «феномене Ашимова».

Вот-так, вытерпел, исправился, набрался определенной философской культуры, наконец, вырвался и попал в совершенно на другой уровень осмысления и обобщения. Для человека, который страстно хотел переделать себя, усовершенствовать, кем-то стать, и в то же время,

никогда не видевшего себя со стороны – это было большой личной победой, сродни полной свободы. Сейчас, с высоты своего возраста, понимаю, что экспериментировал по жизни, насиловал самого себя, свои мозги, но это тогда воспринимал с готовностью и пониманием. Было такое ощущение – редкое для меня и моего характера, отягощенного комплексом неполноценности, – я зауважал себя! Хотя, в каждый из жизненных периодов я считал, совершенно искренно, что теперь живу правильно, а раньше. Здесь хотелось бы процитировать самого Чингисхана: «Бойшься – не делай, делаешь – не бойся, а сделал – не сожалеешь». Однако, я часто поступал довольно опрометчиво, в какой-то мере идеализируя высказывание Марка Аврелия (180—121 г. до н.э.): «Проблема в том, что, не рискуя, мы рискуем в сто раз больше».

Так было с переходом на работу в должности проректора по научной и лечебной работе Кыргызского государственного медицинского института переподготовки и повышения квалификации, так было с переходом на работу в Национальную аттестационную комиссию в должности начальника сразу двух отделов медико-биологических, аграрных наук и гуманитарных наук. Скажу откровенно, оба перехода были из разряда своеобразного моего демарша против Национального хирургического центра, на базе которого функционировала моя кафедра хирургии для усовершенствования врачей. В тот момент у меня был страх неустойчивости, инстинктивный, почти подсознательный, что, начавшейся претензии к кафедре повлияет на наши отношения с шефом – директором центра. Позже мне пришлось добровольно передать кафедру моему профессору – Ниязову Б. С. А с другой стороны, я сам уже давно тяготился преподавательской работой на кафедре. В этом плане, мой переход на должность проректора было вообще опрометчивой, необдуманной. То же самое могу сказать и о переходе в экспертный орган. С другой стороны, и науку я хотел другую, уже понял, что в медицинской науке в сфере хирургической деятельности мы на задворках. Так что я не бежал, я пытался ухватиться за возможности, которые казались мне светом в конце туннели. Мне казалось, что у меня не было других, равноценных этим предложениям. Хотя, именно в это время поступило предложение, причем, дважды, из подмосковного Института криобиологии занять должность заведующего лабораторией. Помнится в этот период отмечался массовый отъезд российских ученых на Запад. Сейчас я сожалею, что тогда оттолкнул такую привлекательную возможность. Нужно сказать, что занимаясь вопросами трансплантологии у нас в Проблемной лаборатории клинической и экспериментальной хирургии, нами были проведены серьезные научные исследования по криоконсервации почечного аллогraftа и семенников. Видимо, менеджеры по кадрам того самого подмосковного Института вышли на меня по нашим публикациям.

Итак, приглашение в Подмоскowie. Почему я не уехал? Ведь несколько раз был близок к этому решению, и возможность была... Наверное, сказалось мое недоверие к тому, что изменив условия жизни, я добьюсь какого-то перелома в судьбе. Опять мой комплекс неполноценности сыграла свою негативную роль. У меня не было таких интересов в жизни, как заработать денег, заполучить комфорт, ради которых стоило бы уехать. Что же касается науки... Я уже знал, что там перспектива, там будущее, но боялся, что не смогу оправдать доверие руководства приглашающего Института. Ведь речь идет о Российском Институте с устоявшейся традицией. А здесь же я уже получил кое-какое признание, я был уже доктором двух наук – медицинской и философской, и главное, привык распоряжаться собой, никому не подчиняться, делать то, что интересно мне. Понимал, что там мне придется из кожи лезть, чтобы «завоевать свое место под солнцем». Страх, сомнения и какая-то иллюзия о том, что и здесь, когда-либо что-то изменится в лучшую сторону. Не знаю, может, это было неразумно, но я не решился. Нищета отечественной науки, конечно же, усиливала ощущение тупика, о котором все чаще начали говорить на исходе уже первого десятилетия нынешнего века.

Нашим ученым, в силу разных обстоятельств, главным образом, в силу недостаточного финансирования, оттока научных кадров, устаревания парка научного оборудования, приходилось довольствоваться узкими вопросами, отдельными аспектами научных проблем. Не скрою,

что несколько раз я приступал к выполнению важных научных проблем, но внимательный обзор литературы показывал, что мы никогда не сможем решить их нашим собственным потенциалом. Естественно, опускались руки, приходили к разочарованию, страдали от того депрессией, апатией. Редко кому из наших ученых, даже в стенах Института Академии наук ухитрялись делать что-то значительное, соответствующего мировому уровню. Наверняка, надежда на то, что «когда-нибудь у нас все будет хорошо» стало болезнью, неосуществимым желанием.

Известен афоризм Гераклита (544—482 г. до н.э.): «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ибо другие воды прибывают постоянно» [Гераклит. Фрагменты, VI в. до н.э.]. Вот и с моим выбором – хирургия или философия. Оказывается, с возрастом для меня, как всегда противоречивого человека, нелегко было сделать решительный выбор философии. Казалось бы, зачем менять свою практически полезную, жизнеутверждающую профессию врача на другую профессию, носящий печать абстрактности и неочевидной полезности. Признаться, в тот момент я действительно находился в затруднении – вновь окунуться в клиническую практику или же уйти в философию навсегда? Мысленно представил себя на месте Юлий Цезаря (100—44 г. до н.э.), который долго находился в раздумье перед переправой – переходить или не переходить реку Рубикон? Наверняка, его генералы, стоящие позади, удивлялись его необычной нерешительности, но в следующее мгновение они уже слышали его «Вперед!». Вот-так был перейден Рубикон. В этом смысле, еще Гераклит (544—482 г. до н.э.) признавался в том, что он всегда приходил в отчаяние при мысли о человеческом жребии: «Мы сознательные существа, наделенные чувствами, однако, мы существуем в мире, сама природа которого заключена в противоречия».

Я уже упомянул о том, что на моем личном счету примерно три тысячи спасенных жизней за свыше тридцатилетнюю хирургическую деятельность. Разумеется, это покажется «каплей в море» если соотнести в республиканский и тем более мировой масштаб хирургии. Однако, суть моего утешения заключается в том, важно не общее количество спасенных жизней, а личный вклад в спасение, как утверждает П. Сингер (2006) [Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти, 2009]. «Человек является причиной другого человека, хотя не его сущности», – пишет Б. Спиноза (1632—1677) [Спиноза Б. Этика, 1677].

По прошествии много лет я часто задаюсь вопросом: что мне дали эти переходы? Я, каждый, каждый чертов раз пытался представить себе мысль о том, что переключаясь на следующую новую стезю, делаю почти непоправимую ошибку, оставляя за собой накопленный и осознанный опыт предыдущей деятельности. Я снова оказывался в потоке новых познаний. Приносили ли они утешение? Пока не видя горизонты этого нового, я годами томился ожиданиями. А ведь у океана нет границ. Однозначно, изменился масштаб моих представлений о многом – об образовательной стратегии, о стратегии подготовки и аттестации научных кадров страны. Я узнал интересных, крупных, выдающихся людей, у которых было, чему поучиться. Можно посмотреть на вещи и по-другому: я с такой бездумной легкостью, с таким увлечением в течение двадцати пяти лет своей жизни занимался последипломной подготовкой хирургических кадров, пройдя последовательно путь ассистента, доцента, профессора, заведующего кафедрой и, наконец, проректора Института переподготовки и повышения квалификации.

С такой же легкостью, с таким же увлечением в течение двадцати пяти лет своей жизни занимался медицинской наукой, пройдя путь аспиранта, завлаба, ученого секретаря, замдиректора по науке. Кто знает, может быть мне нужен был именно такой путь «созревания» для большой науки? Кто знает, возможно, так постепенно ученые созревают для своего следующего поворота? Так или иначе в своей лаборатории я забывал то, что вокруг нее кипит реальность. Для меня мир был самой нереальностью, так как мир – это то, каким мы его видим, представляем, воображаем, придумываем. И наукой я занимался по-своему, не взирая на традиции и характер самого занятия. Ведь ее я представлял только моим делом, приспособляя науку к себе, а не приспособляясь к ней. Благодарю судьбу, что меня в этой сфере деятельно-

сти не подмяли, не сломили. Более того, всегда предоставляли должное место под солнцем. С другой стороны ум и тщеславие говорили мне, что лишь наука и творчество определяют мое место. Вот почему, я так настойчиво добивался своей научной ниши, в которой, я, временами просто отсиживался, стараясь не обращать внимания на все остальное.

В каждом моем личном Рубиконе, скачке, крутом переходе от одного профиля деятельности в другую были так называемые «невозвратные издержки». Каждый раз меня направление своей деятельности я задавался вопросами: «какое решение я бы принял, если бы мне пришлось вернуться к самому началу? Какой совет бы я дал другому человеку в соответствующей ситуации? Все должно иметь смысл, так почему бы и не в этом случае?». Я знал отдельных ученых, которые при встрече высказывали свои мысли заняться, как я, философскими вопросами своей научной специальности. Некоторые из них, действительно, могли бы это сделать и как я даже защитить вторую диссертацию по философии. Однако, я убедился в том, что «наблюдение за дорогой в зеркале заднего вида не поможет человеку добраться туда, куда он хочет». С одной стороны, таким ученым нужно примириться с неопределенности «нового» и отпустить от себя «старое». Однако, в жизни они продолжают навязчиво размышлять о смене научных интересов и сфер своей деятельности, потому что не может принять реальность такой, какая она есть. В этом отношении, они похожи на задумчивых коров, переживающих жвачку снова и снова. Чем меньше человек «пережевывает» ситуацию, тем хуже ему становится, тем меньше шансов у него остается на совершение позитивного перехода из одного качества в другую. Такова логика перехода из «старого» в «новое».

Помнится, работая в своей Проблемной лаборатории, занимаясь проблематикой физиологической хирургии и компенсационной медицины, я понял, что моя наука не так уж сильно изменяет меня, не поднимает, а только истощает, потому что недостаточно обширна и фундаментальна. А ведь в нее я вложил многое – время, серьезную увлеченность, большую концентрацию сил и внимания. Даже создав свою школу экспериментальной хирургии, все чаще стал ощущать страх оказаться в пустоте, без творческого содержания жизни. Я, таким образом, оказывается долго уходил от полной ясности, утешал себя, надеялся. Безусловно, постоянная моя чрезмерность позволяла мне кое-что в науке делать лучше многих, но зато, в такой же мере, она истощала и лишала радости достижения. Мучительно думал, с чего начать, с сомнением и напряжением сил строил планы на будущее. Естественно, был страх перед неизведанным. Малодушный и неуверенный с детства, долго прикидывал свои возможности, строил планы, прикидывал возможные риски и неудачи. Я нутром чувствовал, что впереди у меня тупик и если сожгу мосты, то будет зиять пропасть за спиной. Жан Рено (2004) эмоционально признавался: «Нельзя возвращаться к предателям! Нельзя! Локти кусайте, землю жуйте, но не возвращайтесь туда, где когда-то вас предали».

Я бывал в отчаянии много раз. Беспокойный мой характер способствовал тому, что я смог «заякорить» ряд новых хирургических методов и технологий. К их числу относятся гемосорбция, гемофильтрация, ксеносорбция, плазмоферез, лазерной и ультрафиолетовое облучение, лапароскопия, торакоскопия, ультразвуковая видеоконтрольная хирургия, стереоскопическая хирургия и другие. Сюда же можно отнести использование идейной базы ряда теоретических наук в хирургию – патофизиология, патоморфология, патофизиология, математика, биофизика. «Эффект заякоривания» можно проследить и в области философских исследований – биофилософия, биоэтика, социология и философия медицины, наконец, создание Виртуального Института Человека (2021). Но у меня никогда не было «эффекта гало», то есть рекламизации, ореолизации, сакрализации своих достижений. Т. Кун (1922—1996) писал: «Переход от познания одной парадигмы к познанию другой – есть акт „обращения“, в котором не может быть места принуждения» [Кун Т. Структура научных революций, 1962]. В этом аспекте, знание можно рассматривать не как линейное накопление фактов, а как замену одного

мировоззрения другим. Таким образом, парадигмы существуют не только в науке, но являются естественным для человека способом постижения мира.

Я часто задаюсь вопросом: что меня побуждало к смене парадигм – от медицинских наук к физиологическим, а оттуда к философским? Что это было на самом деле? А ведь было последовательный переход по восходящей. Вначале сугубо эмпирическая прикладная наука (медицина), затем фундаментальная наука (физиологи) и лишь потом метатеоретическая наука (философия). Есть интересное выражение Т. Куна (1922—1996) «Когда на смену одной парадигмы приходит другая, революционно изменяется мировоззрение и тогда то, что в научном сообществе считалось утками до революции, становятся кроликами после революции» [Кун Т. Структура научных революций, 1962]. Известно, что парадигма начинает рушиться, когда она больше не может эффективно решать поставленные перед ней задачи. В этой ситуации ученые начинают получать «неправильные» ответы. Когда парадигма находится в кризисе, становится возможным прорыв к новой парадигме. Естественно, многим ученым легче работать в рамках одной парадигмы, но есть ученые, которые способны преодолеть такую замкнутость.

Я менял парадигму реальной жизни и деятельности ряда раз. Вначале поменял парадигму социализма, на парадигму капитализма, в чем совершенно не преуспел. Затем сменил парадигму клинической деятельности на теоретическую физиологию, а далее на парадигму философии. Кто они «возмутители» регламента обычной науки? Прежде всего, это настоящие исследователи, которые на свой страх и риск замахиваются на доказательство правоты новой парадигмы. Между тем, новая парадигма приспособливает науку к объяснению реальности наилучшим образом, то есть служит линзой, через которую можно разглядеть истину по лучше. В этом отношении, таких ученых, как я можно рассматривать как «простых рабочих философов», занятого лишь расчисткой почвы и удаления части мусора, лежащего на пути к истине. Попытка такого исследователя строить систему ради желания определить пределы знания для одного человека всегда привлекательна. Я уходил, а не оставался, вот в чем вопрос. Если бы оставался, что было бы со мною, с моими делами, устремлениями?

В 2008 году меня избрали на вакантную должность главного ученого секретаря Президиума Национальной академии наук. В истории академического сообщества до меня было всего два прецедента, когда члены Академии наук, избранные по медицине, занимали вакантные должности в Национальной академии наук – это академик И.К.Ахунбаев, занимавший должность президента в период (1954—1960 гг.), это академик Д.К.Кудаяров, занимавший пост вице-президента Национальной академии наук (2008—2013 гг.). Проработав свой пятилетний срок в этой должности я увидел совсем другой масштаб в науке, да и в людях, в жизни. Много лет именно это – работа и люди, удерживали меня в академической науке. Я говорю сам с собой. Этот след – жизнь, как я ее чувствую сейчас. Я смотрю сверху, из конца. Разумеется, никаких сомнений в своем «предназначении» у меня в период работы в Национальной академии наук не было. Несмотря на большие сложности, а, может, даже благодаря им – понял, что науку двигают исключительно энтузиасты от природы. А ведь ранее даже не подозревал, что наука и его достижения являются продуктом научного коллектива в целом.

Отказавшись баллотироваться на второй срок в вакантной должности главного ученого секретаря Академии наук, я в 2013 году решил вернуться в свою Проблемную лабораторию в Национальном хирургическом центре. После пятилетнего перерыва в хирургической деятельности, я поехал в свой родной центр, чтобы все увидеть и решить. То, что я увидел, о многом напомнило, но будущего здесь уже не было. Теперь я никак не мог его представить здесь, так как уже не было моей команды, моей школы. Ощущение замкнутого пространства, недостаточного уровня организации науки, диктата ремесленничества, отсутствие перспективы. Зайдя в свою лабораторию обнаружил не просто голое место, а вообще отсутствие места. Я месяц еще вытерпел, насытился голыми обещаниями, удостоверился в том, что, в бывшей лаборатории на всем лежал плотный слой поверхностной науки.

В Национальной академии наук было намного интересней – уровень науки, богатство научной мысли, открытость ученых, перспективы роста и развития. У меня возникла и крепла какая-то смутная тоска. Нет, выбора я не видел. Слишком неравными казались возможности открывшихся передо мной дорог. Я поступил решительно, но не очень разумно, согласившись возглавить научный отдел лечебно-оздоровительного объединения при Управделами Президента и Правительства Кыргызской Республики. Такова была моя решительность часто от нежелания смотреть в будущее трезвыми глазами. Кстати, вышеуказанный отдел создавал в свое время сам (2009). За короткий срок мы застолбили за собой научное направление «Гериатрия и герантология», провели I-Международную научную конференцию «Актуальные вопросы социально-ориентированной медицины в Кыргызстане» (2011). Привлекательным было то, что меня никто не трогал, предоставленный самому себя я здорово преуспел в исследовании философских вопросов.

Займись вопросами медицинской науки, передо мной вновь замаячил бы знакомый ужас – опять «с нуля»! А время то стремительно убегает. А мне давно мечталось выйти на заслуженный отдых, наконец, засесть в дали от городской суеты и дел, за написание книг, изложить на бумаге свои мысли. Загодя готовился к этому, построил дачу в горах, обустроил быт. А здесь появились проблемы со здоровьем, а так же другие новые, достаточно остро переживаемые, волнения и страхи за благополучие в семьях своих детей. Однако, именно в этот период у меня вновь проявилась попытка реализовать свой творческий потенциал, который не был востребован в течение жизни. Речь идет о писательстве.

Хотелось бы отметить, что писательство было для меня спасительным увлечением, занятием, приносящим мне удовлетворение. Я бы не стал придерживаться концепции «интеллектуального дефицита» у пожилых людей, так как именно в пожилом возрасте я написал основной массив своих произведений. Однако, понял то, что чаще всего показатели интеллектуальных способностей снижаются за счет большего количества времени, необходимого для пожилого человека при написании какого-либо произведения. Понятно, что люди пожилого возраста чаще ощущают себя одинокими. Но, а если одиночество – то к чему творческий человек стремится? Если такой человек ощущает в себе творческий потенциал, ощущает свою востребованность, если позволяет здоровье, возможности, то он не ощущает одиночество, будучи даже отшельников на даче.

Как я уже говорил выше, в 2013 году я написал заявление об уходе на пенсию. В то время я занимал достаточно высокую академическую должность главного ученого секретаря Президиума Национальной академии наук Кыргызской Республики. Потому, выйдя на пенсию я не ощущал себя как бы «выброшенным на обочину» текущей уже без моего деятельного участия общей жизни. Многие говорили мне, что в этом возрасте лучше оставаться действующим ученым, имея в виду то, что снижение социального статуса, потеря делового и жизненного ритма, как правило, приводят к ухудшению состояния человека.

Одним из причин моего ухода с Академии наук было следующее. Идет Общее собрание, на повестке дня вопросы перевода всей работы на государственный, то есть кыргызский языка, согласно Указа Президента страны. Переполненный зал, чувство раскаленной и очень напряженной атмосферы. Было много филологов, а также псевдопатриотов из среды журналистов, писателей, то есть атмосфера бурной стихии. Выступали эмоционально, в этих условиях труднее всего спорить, в особенности, когда имеешь дело с мало культурными полемистом. Прослушав всех, говоривших о необходимости сиюминутного перехода на государственный язык, я чувствовал, что многие ученые, искренне считающие преждевременность такого шага, не решались высказаться. Что можно сказать в такой атмосфере, насыщенной страстями, при такой интеллектуальной элементарности? Но я напрягся, собрал силу духа и попросил слова. В тот же момент я почувствовал большое вдохновение и я говорил лучше, чем когда-либо в жизни. Сначала аудитория отнеслась ко мне враждебно, были даже насмешливые воз-

гласы. Потом уже после моего выступления ко мне многие подходили, жали руку и благодарили. Однако.... Признаться, мой голос в этой среде был гласом вопиющего в пустыне. Меня в лучшем случае почтительно и с недоумением слушали, но не предполагали руководствоваться моими идеями. Думаю, что я так и не сумел дать собравшимся в зале почувствовать свою центральную тему – перейдя на государственный язык мы целиком и полностью потеряем пространство фундаментальной науки ученых Академии наук. В стихии лжепартиотизма и в ее созиданиях еще больше, чем в ее разрушениях, я очень скоро почувствовал опасность, которой подвергается духовная культура, наука, образование. Как всегда, лжепартиотизм не щадит творцов духовной культуры, науки, образования, относясь подозрительно и враждебно к любым позитивным инициативам. В какой-то мере это напоминает ситуацию, озвученной когда-то Лао-Цзы (551 г. до н.э.): «Нет ничего более мягкого и гибкого, чем вода, но попробуйте оказать ей сопротивление».

На другом Общем собрании Академии случилось нечто похожее. Мой призыв принять, понять и перейти на принципы постнеклассической науки разладило благодушную атмосферу собрания. Председатель, да и вся присутствующая профессура восприняли саму заявку из ряда выходящим —немыслимым, провокационным, от которого за версту разит неомальтузианством, экзистенциализмом и прочими «измами». А ведь были среди них вечно настроенные скептически, ядовито, токсично, которые отметали с ходу любую идею, гипотезу, теорию, считая их непотребной для науки, к которому они привыкли. Иногда мне слышались их немые упреки типа «Вы не ученый, а экспериментатор по жизни». «Вас недоучили в школе, в институте, что молчание – это золото», «В науку вас занесло ваше тщеславие, а не призвание», «Вы самодовольный тип, возомнивший себя научным патроном», «Вы же дискредитируете классическую науку, чем она вам не угодила». «У вас вместо мозгов какой-то таракан метафизического происхождения...».

В один из дней 2017 года меня пригласил академик Джуматаев М. С. – новый президент Академии наук с предложением занять вакансию Председателя отделения химико-технологических, медико-биологических и сельскохозяйственных наук. Состоялись выборы, я был избран единогласно на Общем собранием данного отделения. Вплотную занявшись с членами своего отделения, а это шестнадцать академиков и восемнадцать членов-корреспондентов, большинство из которых были большими учеными, рядом с которыми я чувствовал себя недостаточно подготовленным к такой высокой должности. Представьте себе, шесть академических институтов, свыше тридцати академиков и членов-корреспондентов, а также свыше сорока докторов наук. Как бы то ни было, такого разнообразия лиц, судеб я раньше никогда не встречал. Одни строили себе жизнь при помощи науки, другие тратили свою жизнь ради той же науки. И те и другие, в огромном большинстве своем продолжали оставлять свой след в деятельности Академии наук. Хотя, кто-то удобно жил, вкусно ел и ездил по заграницам, а кто-то удовлетворял свое любопытство, получал удовольствие от коллективной науки. Но я-то чем был лучше их?!

Так начался новый период моей жизни, он продолжался пять лет. Как и все боролся уже не только за личное место в науке, и в жизни, что было для меня одним и тем же, а за рейтинг своего отделения и ее академических институтов. При этом, естественно, понимал и осознавал, что наша наука заметно отстает от передовой мировой науки. В мою задачу входило организовать ученых для прорыва. Настаивал, говорил, показывал, что если вокруг нас видим хотя бы одного человека, выросшего до мирового уровня, то значит это возможно и для нас всех. А ведь среди членов Академии наук – есть много ученых, которые, несмотря на трудности, работают на международном уровне. На этом примере вселял уверенность ученых отделения в том, что главные причины отставания только в нас самих. Хотя я знал и понимал, что такая точка зрения сейчас не совсем оправданная, но, а с другой стороны, ну и что если мы будем постоянно кивать на «отсутствие финансов и условий». Такой урок я получил еще

в самом начале своего детства, отягощенного комплексом неполноценности, зная, что должен достигнуть более высокого, нежели, чем остальные.

Я уверен, что многое бы достиг, будь у меня хорошие условия для научной работы, настоящая научная школа. Выдающихся способностей у меня не было, но помогала мне усидчивость и, естественно свой комплекс неполноценности, обуславливающий в конечном итоге такую гиперкомпенсацию, как комплекс превосходства. За годы работы в указанной должности мы стали получать результаты, по здешним меркам неплохие. По большому счету они интереса особого не представляли, а мы все время и как всегда надеялись на завтрашний день. В какой-то мере мне удалось продолжить, предпринятые, еще будучи главным ученым секретарем, усилия по реформатированию науки в инновационную. На эти годы наложилось многое, было много хорошего, интересного, прилагаю усилия – и, действительно, вспоминается – было... Но само никогда не приходит, не всплывает, наоборот, словно какая-то завеса между мной и этими годами. Как только я ушел, вся наука словно выскочила из меня... Я любил науку, как свое занятие, а потом разлюбил себя, занимающегося наукой. Мне ничего не оставалось, как уйти, все забыть и найти другое дело, в котором я снова был бы интересен себе. Поэтому не помню, оттого и завеса, и я не могу выдавливать из себя воспоминания. Да и смысла не вижу.

Как уже говорилось выше, у меня не было должного уровня «запаса прочности». У меня не было хорошей научной школы – это была моей драмой и трагедией. Я много читал и знал философскую литературу, но у меня не было уверенности профессионального философа, для которого характерно знание границ своего философского направления. Действительно, в начале как непрофессиональный философ таких границ я не чувствовал. Вроде стараюсь вникнуть все глубже, но всегда натываюсь на нехватку знаний, на пробелы в философском образовании, познании и культуры. В этом аспекте, среди философов всегда испытывал чувство своей философской неполноценности. Между тем, именно это чувство, то есть страх и неуверенность способствовали моей еще большей изолированности от профессионального философского сообщества. Если я раньше все время озирался на философов, на их теории и концепции, то теперь в состоянии некоей изоляции от них, пытался сам додумать, сам разработать, начиная от незначительных мезотеорий, до концепций и самостоятельных теорий. Я сам творил, решал, что делать, как поступить.

Вот-так вылезли наружу мои сложности. Я теперь понимаю ясно, а тогда возмущался собой, нежеланием общаться с коллегами-философами, ехать куда-то ради того, чтобы услышать новые мысли и суждения, предпочитая сидеть в своем углу – делать поменьше, похуже, поужу, но так, чтобы все «я сам». Естественно, я горд тем, что в 2018 «застолбил» за собой первое научное открытие в области гуманитарных наук в Кыргызстане. Это открытие касается сферы философии, теории познания и научного мировоззрения. И этот приоритет остается за мной – за выходцем из естественно научной области науки.

Таким образом я усиливал, обострял ту изоляцию, которая возникла не из-за условий работы, а из-за моего комплекса недостаточности. Предпочитал независимо ни от кого копать, надеясь, что спокойствие, погруженность в себя и упорный труд дадут результаты. Иногда я, действительно, додумывался до небольших, но вполне оригинальных работ, но чаще копался без просвета. Такое мое стремление жить только своим делом было непреодолимым. Я бежал за своим очередным научным интересом, не соизмеряя его с возможностями – подготовкой, образованием, культурой. Меня уже мало интересовали научно-философские проблемы сферы медицины и здравоохранения. Они потеряли в моих глазах привлекательность при сравнении с более фундаментальными, глубокими философскими проблемами, такими как научно-мировоззренческая культура, познание, мифология, «Я-концепция».

Что странно, доводы в пользу своей «большей пригодности» в области философских исследований, подготовленности к анализу и синтезу сложнейших проблем человечества, мне показались не совсем разумными. Однако, много раз ощущал, что чем дальше я заби-

раюсь, все труднее работалось на профессиональном уровне. И вместо того, чтобы остановиться, оглядеться, усугубляя свое положение тем, что иногда в отчаянии сползал в публицистику. Теперь же, глядя из конца, я вижу, что черты, которые так мешали мне, на самом деле помогли. Во-первых, я все же получил признание в философском сообществе выдвинув вначале научную идею «Триадный синтез современной научно-мировоззренческой культуры индивида» (2017), затем научную гипотезу «Философизация науки, как основополагающий компонент научно-мировоззренческой культуры» (2018) и, наконец, сделал научное открытие «Закономерность формирования и изменения состояния научно-мировоззренческой культуры (Теория Ашимова)» (2018). Во-вторых, разве не благодаря безрассудности и напору в силу двух противоположных комплексов, а именно комплекса неполноценности и комплекса превосходства, я поэтапно получил признание, вначале в медицине, затем в физиологии, а потом и в философии. И разве я не добился сверхкомпенсации своего комплекса неполноценности, попав в совершенно новую страну – литературу!

Меня всегда возмущала то, что все наше общество страдала от низкого уровня научно-мировоззренческой культуры. Это была трагедией человеческого сообщества везде, всегда и во все времена. Меня заинтересовал этот феномен. Как всегда, мои решения приходят долгим сложным и окольным путем. Способность смотреть далеко вперед всегда считал уделом выдающихся ученых. Я принял за невероятную по трудности задачу – изучить теоретические основы научно-мировоззренческой культуры. Разумеется, по многу раз у меня возникало ощущение – своего состояния, положения в том пространстве, в которое я попал. А ведь были сомнения, намеки, усмешки окружающих меня коллег. Жизнь меня не баловала, неприятных ощущений всегда было предостаточно, но перед нечто новым они отступали. К тому же я умел себя принуждать. Свои трудности я преодолевал привычными усилиями, продвигался, добивался успехов, пусть небольших, в хирургической, научной, академической среде считался, если не талантливым, то компетентным, упорным и успешно работающим. Что касается философской среды, то тут дело обстояло несколько иначе. То чувственное, интуитивное, абстрактное мое отношение к миру, с возрастом лишь обострились.

Я любил уединение, тишину лаборатории, саму атмосферу неслышного, неспешного дела, отчужденного от жизни. У меня была привычка отмерять взад и вперед длинный коридор своим неспешными шагами, ведя неторопливый диалог со своими мыслями. Меня тянуло в свою среду, в свои мысли – в свой угол. Разве не об этом я мечтал – дойти до собственных границ? Разве не ради этого оставил науку? Конечно, да... но все оказалось сложнее. Л. Сенека (65—4 г. до н.э.) писал: «Достичь счастливой жизни трудно, ибо чем быстрее старается человек до нее добраться, тем дальше от нее оказывается, если сбился с пути, ведь чем скорее бежишь в противоположную сторону, тем дальше будешь от цели». Но, а как определить верный путь? «Чтобы не сбиться с пути, достаточно выйти на наезженную колею или расспросить местных жителей. Но с другой стороны, чем дорога накатанной и многолюдной, тем вернее она заведет не туда». То есть нужно искать свой индивидуальный путь. В народе говорится, что не следует уподобляться овцам, которые всегда бегут вслед за стадом, направляясь не туда, куда нужно, а туда, куда все идут или большая толпа приверженцев всегда верный признак худшего. В народе также говорится: «Человек не корова, которая идет туда, куда гонит пастух».

Как я уже говорил, моя диссертация по философии написана по тематике сохранения морально-этических пределов хирургии рубежа XX-XXI вв. То есть в период внедрения принципов «дикого капитализма» в практику отечественных хирургов. Я боялся, что меня в тот период элементарно подставят, сунув мне в руки денег за операцию, обвинив «отчего этот хирург и философ, откровенно не приемлющий рыночные принципы в хирургической профессии, когда хирургическая услуга превратилась в коммерцию и прибыльный бизнес, сам не гнушается от денег за операцию?». Как известно, ни один хирург, каким бы он ни был опытным, не гарантирован от ошибок и неудач. Я панически боялся в тот период допустить

ошибку, представив, что, случись у меня хирургическая ошибка, кто-либо из коллег-злопыхателей объяснят родственникам больных, якобы так оно и должно было случиться, так как больного «оперировал не хирург, а философ». В те годы я много писал по тематике философии жизни и смерти, эвтаназии. Я мысленно представлял, кто-либо из моих пациентов, прочитав мои размышления о либерализации смерти, эвтаназии, может меня запросто обвинить в попустительстве осложнений и смерти.

Мое малодушие, надуманные сомнения, откровенные фобии, сыграли со мной злую шутку. Как говорил Л. Сенека: «Всю жизнь я изо всех сил старался выделиться из толпы, стать заметным благодаря какому-нибудь дарованию, и что же вышло из того? – я только выставил себя мишенью для вражеских стрел и предоставил кусать себя чужой злобе». Так и я постепенно отдалился от операций, а позже вовсе забросил хирургическую деятельность, полностью отдавшись философии. Сенека также писал: «Сколько вокруг тебя восторженных почитателей, ровно столько же, считай, и завистников». Разве нет в хирургических коллективах врачей пораженных чванством и преувеличенной самооценкой, страдающих профессиональной напыщенностью или, наоборот, разболтанностью, болтливостью и высокомерием, гонящихся за сиюминутными радостями и праздною распушенностью обленившегося духа.

Итак, высказывая свои «благородные» помыслы, касательно сохранения профессии хирурга в нравственно-профессиональных рамках, я не забывал, что вращаюсь и среди коллег, страждущих завистью, злорадством. Хотелось им сказать: «Не требуйте, чтобы я сейчас соответствовал описанным мною правилам, ведь я как раз занят тем, что делаю себя, формирую, и пытаюсь поднять до примерного образца хирурга по призванию». С другой стороны, я боялся ненароком задеть благородных хирургов, которые могут сказать: «С какой стати ты позволяешь себе судить о хирурга, осмысливших новые идеалы и ценности нашего времени?».

Что касается моих ученики, то они, несмотря на свою молодость стали настоящими исследователями до мозга костей, не верящими ни в каноны, ни в аксиомы, несконные в жизни и работе традициями и стереотипами. В начале девяностых я собирал их поштучно, искал, ездил, уговаривал, обещал. С их приходом в лаборатории многое кардинально изменилось. Вначале я сам опешил, у всех у них оказалась изощренная логика – сначала деньги, создание условий, а потом уже работа. С одной стороны, это правильно. Без средств, условий, хорошего научного оборудования проводить научные исследования на должном уровне невозможно. Современная наука зиждется на современных и высокоточных методиках. Мои ученики намеревались делать не только карьеру, но и науку, и притом не рутинную, а абсолютно новую. В этом они мне напоминали гармоничную «тимуровскую команду». Такие люди всегда живут по концепции «найти, изучить, применить», это их вечный девиз и образ жизни. Исследования сотрудников лаборатории открыли бездонные глубины знаний. Научный проект «Трансплантация» и «Концепция развития трансплантологической службы в Кыргызской Республике» был разработан мною в 1995 году. За период функционирования проекта (1997—2008) выполнена комплексная проработка всех разделов и служб с подготовкой первой партии отечественных трансплантологов. Разработан и принят Закон Кыргызской Республики «О пересадки органов и/или тканей» (2001), а организационным решением стало учреждение головного учреждения – Института хирургии сердца и трансплантации органов (2003).

Впервые было выполнено целевое измерение философско-методологических и нормативно-правовых проблем «пределов допустимости» трансплантации органов и тканей с разработкой протокольных предложений по их разрешению. Нужно подчеркнуть, что трансплантология – это огромное предприятие, дорогостоящая технология с массой нерешенных паратрансплантологических «проблем-спутников». Даже на сегодня, нет области в медицине, где так ярко сфокусировались бы проблемы профессионального, морально-этического, правового, методологического и философского порядка, как в трансплантологии. Трансплантационная этика – это прежде всего проблеме развитости человеческой культуры, человеческо-

сти. В современном мире, когда всесильная технология может все, человечность отодвигается, а потому проблема человечности в человеке, в том числе и в первую очередь в сфере трансплантологии, является актуальной.

В настоящее время особую заботу и тревогу вызывает то обстоятельство, что трансплантация жизненно важных органов во многих развитых странах мира уже достиг конвейерного уровня, а между тем, к сожалению, еще много нерешенных медико-социальных, морально-этических и нормативно-правовых проблем и противоречий, имеющих то или иное значение для становления, развития и функционирования трансплантологии. В этой связи, ученые и специалисты (медики, социологи, философы, теологи, юристы и пр.), рассматривая в широком контексте, эти, во многом необычные и сложные проблемы, стремятся разработать принципы и конкретно-научную этику трансплантологии, разумно действующие на международном уровне, что соответствует интернациональному значению всех проблем трансплантационной практики в целом. Жизнь и практика показала, что нельзя «проскакивать» трансплантационные проблемы, связанные с вопросами морали и этики, закона и права, духовности и культуры – таково, кстати, общемировое требование к любой новой технологии, связанный с Человеком. В этом аспекте, особенность разрабатываемой нами темы отражает уникальность для этики, социологии и философии медицины не только путей осмысления кризисного состояния морали и этики современной трансплантологии, но и тактики формирования и развития самой конкретно-научной этики трансплантологии. В отечественной и зарубежной социологии и философии медицины данная проблема не получила системного освещения, что и вызывала необходимость нашей работы. Хочу заметить, что первая докторская диссертация по тематике трансплантационной этики подготовлена под моим руководством.

Интерес широкого круга ученых вызвала в свое время дискуссия, организованная мною «Возможно ли превентивная пересадка органов?», «Вероятно ли пересадка головного мозга?». В настоящее время хирурги готовы осуществить операцию по пересадке головного мозга (или головы). До сих пор никем еще не была осуществлена такая операция, которая с точки зрения логики научно-технологического прогресса представляется закономерным шагом активно развивающейся трансплантологии. Между тем, ряд морально-этических проблем, в том числе и социальные последствия такого вызова трансплантологии до сих пор является совершенно не осмысленной социологической проблемой. Что ждет этого человека, если операция по пересадке головного мозга пройдет удачно, и он останется жить? Кем он будет в жизни? Продолжит свою жизнь или проживет отныне чужую жизнь? Такие вопросы обуревают ученых и философов. В связи со сказанным выше, на наш взгляд, назрела необходимость философско-методологического обобщения системы взглядов на проблемы, связанные с феноменом смерти личности, тела и сознания. Причем, не только с позиции дуализма «тело-сознание», гуманизма, религии, но и с точки зрения трансгуманизма, карианства. Дело в том, что гуманизм и нынешняя классическая философская антропология, накладывающие запрет на множество современных биокibernетических технологий, к сожалению, «не объясняют» проблемы новых и сверхновых технологий, в том числе такого порядка, как пересадка головного мозга, изменение биоконструкции человека, моделирование сознания и пр.

Следует учесть, что трансгуманизм, как, впрочем, и карианство представляет разум и здравый смысл, как универсальные, ничем и никак не ограниченные в своих возможностях, инструменты исследования и преобразования всего сущего, включая и самих носителей разума. Важно то, что они свободны от потенциальных последствий футурошока и готовы к выработке практической этики, пригодной для общества, преобразованного любыми новыми технологиями. Находим нужным акцентировать внимание на такие свойства этого научного мировоззрения – динамичность, непредвзятость, допускающая априори тех возможностей, которые не противоречат принципу конструктивности моделей. Именно на основе модели можно предсказать суть и будущие пересадки головного мозга.

Следует отметить, что против развития трансгуманизма и карианства имеются два фактора: во-первых, нравственный, суть которого в том, что борьба против «неэтичных научных исследований» (в том числе пересадки головного мозга) ведется невзирая на то, что сами люди и общество нуждаются в таких технологиях; во-вторых, практический, суть которого заключается в том, что исследования, которые востребованы обществом практически невозможно остановить никакими законами и нормативами. Постулируя морально-этические проблемы пересадки головного мозга, зачастую ученые, которые, являясь атеистами, тем не менее, ссылаются на религию и ее людей по гуманитарным вопросам (мораль, общечеловеческие ценности и пр.), искренне полагая, что в области этики и гуманизма, позиция науки и позиция религии будто бы совпадают. Это один из наиболее распространенных методов формирования этико-социальных иллюзий – метод подмены базовой информации. В этой связи, важно, чтобы философ при осмыслении проблем гуманитарного качества должен строить модели, не размывающие грани науки и антинауки и в этом заключается самоценность философского мировоззрения. Я, безусловно, горд тем, что мне посчастливилось разрабатывать такие кардинальные вопросы философии.

В свое время на страницах своего научно-фантастического романа «Пересотворить человека (2012) изложил результаты осмысления философского эксперимента «Кто где?». Между тем, это не первый философский эксперимент в моей практике. А что касается экспериментов медико-физиологического характера, то они продолжают до сих пор. Причем, несмотря на то, что сейчас стали появляться зоозащитные движения, требующие, чтобы наука отказалась от экспериментов на животных. «Лучше смириться с гибелью животных, чем позволить умереть людям» – таков девиз нашей научной школы экспериментальной хирургии. Мы с самого начала в экспериментах придерживаемся концепции «трех R»: Reduction – строгая регламентация экспериментов; Refinement – щадящее отношение к животным; Replacement – по возможности использование альтернативного моделирования.

В науке я так и не достиг своей меры. Хотя сделал научное открытие, доказав научную гипотезу за исходно выдвинутую научную идею. За заслуги и выдающийся вклад в науку страны избран академиком Академии наук, а за научные труды в области философии по совокупности тридцати монографий под общим названием «Теория формирования и развития научно-мировоззренческой культуры» мне присуждена Государственная премия страны в области науки и техники (2021). На фоне того, что большинство ученых ни разу в жизни не испытывали настоящего чувства прорыва и торжества своей интуиции. Я, в какой-то мере, доволен, что мне такие вещи удавались.

Было время, когда я считал, что все несовершенства медицинской науки и несовершенства хирургии, как сферы практической деятельности от людей, от уровня их профессиональной подготовки, последипломного дообразования, а потому старался пройти последовательно весь путь от рядового хирурга, до заместителя директора Национального центра хирургии по науке, а также от ассистента до проректора по науке Института переподготовки и повышения квалификации. Причем, полагаясь лишь на свои силы и способности. Потом понял, что дело в характере самого занятия – оно творчество в редкие минуты, а в остальное время ремесло и несение эстафетной палочки, с ожиданием, что ее вот-вот вырвут у тебя из рук. Вот почему считаю, что кардинальным в моей судьбе был переход, во-первых, в «большую науку», то есть в фундаментальную, академическую, а, во-вторых, переход на философскую стезю. А потом уже по меткому выражению какого-то мудреца – «Ученый должен умереть писателем», приобщился к писательству. В этом плане, я, как мне кажется, ушел далеко, на высокий уровень и это мне интересно. Однако, это вовсе не означало то, что я этого хотел. А разве можно получить в жизни безграничность и бесконечность? Приведу такой пример из моей жизни и работы.

В 2006 году был избран членом-корреспондентом Национальной академии наук по специальности «Патологическая физиология». Тогда я работал заведующим кафедрой хирургии для усовершенствования врачей Кыргызского государственного медицинского института переподготовки и повышения квалификации, активно оперировал. Так случилось, что на очередной годичной сессии Академии в 2008 году меня избрали главным ученым секретарем Президиума. В первые полгода работы на этой должности урывками удавалось оперировать в Национальном хирургическом центре. Однако, в силу загруженности академическими делами мне пришлось оставить хирургическую деятельность. Отработав положенные пять лет, я в 2013 году вернулся на кафедру. Не скрою, за прошедший пятилетний период изрядно соскучился по хирургической работе. Предстояла операция по резекции желудка у пациента с язвой луковицы двенадцатиперстной кишки. Операция типичная, коих выполнял многие годы. Но, что это. Подойдя к операционному столу, взглянув на пациента и своих помощников испытал непривычную растерянность. Я стоял как будто передо мной абсолютно новое и неизвестное дело. Мне нужно было начать операцию, сделать разрез, а я все не решался. Что-то не пускало изнутри, то ли сомнение, то ли страх, беспокойство, тревога. Я стоял в нерешительности, будучи не в состоянии сконцентрироваться. Расстроенный, я передал скальпель своему ассистенту и вернулся в кабинет. Таким я не знал себя никогда. В голове крутились мысли, что со мной происходит что-то непонятное. В голове все больше раскручивалась карусель мыслей: почему такое происходит? Пройдет ли оно у меня? Я так и не смог сконцентрироваться, уйдя с операционной опустошенным и опечаленным. Карусели мыслей не давали мне заснуть, сон стал поверхностным, прерывистым, сопровождающийся неприятными сновидениями.

Вот тогда я и решил навсегда оставить хирургическую деятельность. Образно говоря, мне тогда так и не удалось, образно говоря, «вынуть» на время упрятанную в рукаве «крапленую карту». До сих пор удивляюсь, как я мог без малого сорок лет свободно оперировать, будучи хирургом высшей категории, прошедшим тяжелую школу районной хирургии, будучи сам преподавателем, на протяжении трех десятилетий успешно обучающим хирургов со всех уголков страны. А тут какой-то страх! В период своего невольного отлучения от хирургии, мне думалось о том, что она – хирургия остается «паровозом на запасном пути». Анализируя мое состояние я подумал о том, что, возможно, легкая тревожность перед началом операции после длительного перерыва в хирургической деятельности, вызвала лавину душевных переживаний, страха и тревоги, отражаясь на моем совладании со своими профессиональными задачами и навыками. Очевидно, различные виды тревоги, страха, высокой ответственности за жизнь пациента на операционном столе, перетекают один в другой, усиливая друг друга и сочетаясь друг с другом. Думается, что на первом этапе я имел дело именно с тревогой свободы, не в состоянии совладать с нерешительностью. Осмысление этой проблемы мною не раз осмысливалась в связке с проблемой свободы в самом первом приближении. Я понял, что с таким настроением – страхом и нерешительностью больше не стоит подходить к операционному столу, и, соответственно, сделал свой окончательный выбор.

Вообще, в девяностые годы прошлого века, в период явного упадка нравственности и морали в нашем обществе мы наблюдали, как средства массовой информации, пытаясь подогреть общественный интерес, «вытаскивали» на свет неприглядные истории из жизни выдающихся людей, даже после их смерти. Ведь при необходимости всегда можно отыскать у них какого-либо «скелета в шкафу». А с другой стороны, такая тенденция была и раньше, а потому такая судьба была уделом чуть-ли не каждой знаменитости. Если раньше и допускал в мыслях, что нужно получить публичную известность, чтобы о тебе и твоих достижениях говорили, признавали, гордились и восхищались, то именно в те годы у меня появилась обратная мысль, что не стоит афишировать себя, свои заслуги и достижения.

С той поры мне осознанно не стали нужны дотошные заботы, усиленное внимание, преувеличенные страсти вокруг моей персоны. Мне не нужны и сочувствия, что невозможно

без внимания и прикованности взгляда. С той поры был уверен в том, что от неизвестности страдает тот, кто хочет повышенного внимания, восторга и очевидного признания, глубокого сочувствия окружающих. Нет, я не страдал. Я переживал жизнь, которую устроил себе сам – тихую, малозаметную, неизвестную. А зачем мне то, что даже после моей смерти люди будут «промывать мои косточки?» Я переживаю многие вещи в себе, заранее представляя их, как они могут быть «позже», а когда подступает реальность, для меня уже все произошло, а это уже «история», о чем окружающие не могут вспомнить ни одного эпизода. Так моя «история» останется нетронутой и моей навсегда. Для меня было важным оставаться свободным, а это настоящая награда, в том числе и в конце славного пути. Такая моя жизненная позиция, позволило, как мне кажется, впервые в жизни жить легко, спокойно и интересно.

Выше я уже говорил о том, что по итогам многолетних исследований в 2017 году мною была выдвинута научная идея «Триадный синтез научно-мировоззренческой культуры индивида» (2017), а также совершено научное открытие «Закономерность формирования и изменения состояния научно-мировоззренческой культуры индивида» (2018). Дипломы и свидетельство, выданные нам Российской академии естественных наук, Международной академией авторов научного открытия и Международной ассоциацией авторов научного открытия были вручены нам на Общем собрании Национальной академии наук. Однако, к сожалению, церемония прошла в обстановке замалчивания значимости нашего открытия, в атмосфере откровенной формальности, равнодушия и зависти. Естественно, адекватно такому отношению, согласно логике: «если до вашей планки не дотягиваются, не повод, чтобы ее занижать», я был вынужден публично произнести саркастическую реплику: «Первое. Не стоило бы так демонстрировать свою невысокую научно-мировоззренческую культуру. Ваше право проигнорировать нас – авторов, но вряд ли вы обременены правом игнорировать сам факт научного открытия. Ведь еще Исаак Ньютон (1643—1727) говорил о том, что „научное открытие – это высшая форма познания и выдающейся научное достижение фундаментального и концептуального характера“. Второе. Что побудило нас к исследованию проблемы формирования научно-мировоззренческой культуры? Наверное, недоумение тем, что многие ученые, оказывается, одновременно верят и своему разуму, и Богу, и судьбе, и черт его знает еще чему. Очевидно, прав П.К.Гольдмарк (1906—1977), который считал: „Раздражение – мать открытия“. Третье. Признаемся в том, что, возможно, мы оказались более усидчивыми, чем многие наши коллеги. Пожалуй, прав Г. Лихтенберг (1742—1799), который говорил: „Научное достижение обеспечивает не только верхние полушария, но и нижние“. Однако, считает он, „Чтобы увидеть что-то новое, нужно совершить что-то новое“. Четвертое. А. Эйнштейн (1879—1955) как-то сказал: „Все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще“. В этом аспекте, открытый нами закон, как бы он ни был бы простым, заслуживает непростой своей теории. Помнится, Р. Фейнман (1918—1988) писал: „Если бы я мог разъяснить суть своего открытия каждому, оно бы не стоило Нобелевской премии“. Разумеется, наша теория не ответить на все вопросы даже в кабинете следователя».

Жаль, что наше научное открытие и теорию, научное сообщество проигнорировало, хотя о другом научном открытии, откровенно идеалистического толка, а также автора, олицетворяющего собой носителя идей субъективного идеализма, оно проявило редкое единодушие в восхвалении (событие 2021 года). Между тем, это не только и не столько двойной стандарт в оценке значимости работ, сколько внесение раскола между естественно-научной и гуманитарной культуры, а также дефицит научно-мировоззренческой культуры научного сообщества в целом. Жаль, конечно, что мне приходится возвращаться к этому с осознанием, что, оказывается, необходимо еще и прокомментировать свою же реплику: «Первое. Понятно, что можно быть культурным ученым, в обычном понимании, но, в то же время, отличится низким уровнем личной научно-мировоззренческой культуры. Между тем, проявить упорство в непонимании его актуализма – это равнозначно дискредитации гуманитарной науки в эпоху всеобщей

гуманитаризации. Понятно, что еще никому не удавалось свести все воззрения о научно-мировоззренческой культуре в единую формулу или подвести их под некий ярлык с несколькими именами классиков. Максимум, что можно, то это вычленить ключевые моменты своих философских воззрений, создав, таким образом, новую конструкцию или некую логическую параллель обычному его пониманию. Мы говорим, что научно-познавательную стратегию нужно сместить в сферу субъективности познания, стимулируя научное сознание, культуру мышления и волевых действий индивида. Гуманитаризация, диалектизация и синергетизация познания позволит реализовать широкий круг задач по повышению качественного уровня не только «стратегии», но и «культуры». Весь вопрос в том, что размышления или действия, являющиеся сами по себе разумными, разве не могут оказаться глупыми в кругу непонимания, игнора и зависти?

Второе. Так что же меня так сильно раздражало? Прежде всего, либеральный консенсус наших ученых с религией и с субъективным идеализмом. На мой взгляд, лишь ученым-материалистам нужно предоставлять возможность говорить, действовать, поучать, а не богоискателям и идеалистам от науки, которые занимаются только ограничением и отлучением людей от истины, думая во многом узко и нелогично, тогда как ученые-материалисты действуют в поле строгой логики, аргументов и истины. В этом аспекте, эффективная, то есть адекватная научно-мировоззренческая культура является, по сути, мощным заслоном против узколобого мышления и мракобесия. Весь вопрос в том, есть ли у нас ресурсы, традиции, философские подходы, чтобы понять эту ситуацию и что-то с ней сделать?

Третье. Чего или кого мне не хватало на научном пути? «Нам не хватало талантливых научных оппонентов. Я шел по пути, которую сам и начертил, пробивал идею, которую никто серьезным образом не анализировал, доказывал научную гипотезу, которую никто не толковал и не контролировал. Наконец, сделал научное открытие, сформировал научную теорию, а их же никто серьезным образом у нас здесь не поняли и не приняли». Между тем, на сегодня, именно проблема гуманизма и научной рациональности являются наиболее злободневными. Постнеклассическая наука возникла в семидесятые годы XX века и до сих пор ее игнорируют. А ведь именно она способствует существенному повышению уровня научно-мировоззренческой ориентации индивида в пользу рационального мировосприятия.

Во дворе XXI век, когда возникла необходимость парадигмального, системного и диалогического подходов по устранению последствий научно-мировоззренческого кризиса. Между тем, постнеклассика пропагандирует плюрализм мнений, суждений, умозаключений. «Философизация науки» – это смыслоформирующая категория постнеклассики», а потому является основополагающим компонентом научно-мировоззренческой культуры. Приобретенное знание с комбинированным значением, инкорпорируясь во внутренний мир индивида, обличается в новые формы репрезентации – теоретизация, прагматизация, конкретизация, категоризация, концептуализация, методологизация, этизация, философизация. Высокая частота межтематического переключения и насыщения индивида абстрактными понятиями приводит к устойчивости его познавательной структуры, способствующий развитию у него адекватной научно-мировоззренческой культуры. Весь вопрос в том, до каких пор, ученые будут игнорировать новую научную рациональность, адекватную сложному миру и времени?

Четвертое. Действительно, гуманитарии обожают абстрактные рассуждения, а их труды иногда вычурны, непонятны, расплывчаты, в отличие от естественников и технарей, которые обожают логику. Но, а что делать, если сам мир нелогичен, что живой мир не укладывается в логические построения? Понимая это, я описал свою теорию языком логики, принятым у естественников и технарей. Более того, я попытался выразить найденную мною закономерность математическим уравнением. А потому, одно дело просто игнорировать теорию, другое дело попытаться вникнуть, но не понять. Так, что научное открытие – это не только и столько усидчивость, а это что-то еще результат более существенных свойств авторов. Весь вопрос

в том, до каких пор, сами ученые будут способствовать расколу между естественно-научной и гуманитарной культур, вопреки общемировой тенденции их обязательного сближения?

Моя теория – это результат огромного труда по выискиванию и сопоставлению свыше ста двадцати триадных элементов, выявления трех новых парадигм, четырех научных принципов, пяти механизмов, а в совокупности открытие одного нового научного закона. Научная идея, гипотеза и открытие – это всегда новая ступень, новое качество накопившегося знания, а потому значимость их как уникального результата творческой деятельности для человечества всегда была великой. Научные открытия возникают не сразу, им вначале предшествует, как правило, выдвижение научной идеи. В области гуманитарных наук – это обобщенный теоретический принцип, объясняющая сущность неизвестной ранее связи между понятиями и/или концепциями. Затем, на этой основе формируется научная гипотеза – научно обоснованное предположение о неизвестной ранее связи между понятиями и/или концепциями. Лишь после доказательства научной гипотезы, она может стать научной теорией, то есть научным открытием – установление интеллектуальных связей между понятиями и/или концепциями, которые воспринимались ранее несвязанными.

Таковы этапы и сама логика научного открытия. Весь вопрос в том, до каких пор, ученые намерены полагаться на внезапное озарение, а не на системный научный поиск согласно вышеприведенного алгоритма? Исходным было то, что наука – это социокультурный феномен, выполняющий функцию единственно устойчивого фундамента научно-мировоззренческой культуры, так как именно ее культурно-мировоззренческая функция является одной из важнейших каналов взаимодействия науки на общество. В настоящее время человечество переживает время непростого диалога естественно-научной и гуманитарной культур.

По мнению Бернарда Шоу (1856—1950), «обилие завистников пугает, но их отсутствие – настораживает». По И. Канту (1724—1804), зависть представляет собой злонравный образ мыслей, а именно досаду от того, что мы видим у других [Кант И. Критика чистого разума, 1781]. Словом, справиться с чьей-то завистью едва ли возможно, разве что поселиться на необитаемом острове, никому об этом не сказав. Зная характер человека, мы понимали, что вряд ли он одолеет собственную печаль о нашем достижении, обошедшего его самого стороной? Мог ли он принудить себя радоваться тому, что инстинктивно он отвергает? Я не желаю своей коллеге зла и понимаю, что такое зависть, как она может менять человека до неузнаваемости и толкать на ужасные поступки. Также я понимаю, что мы с ней обе заражены тщеславием. В противоположном случае я бы так болезненно не реагировала на ее выпады в мою сторону, продиктованные желанием умалить мой вклад в работу и уничтожить все мои достижения. Этот опыт, скорее всего, нужен мне для врачевания души от тщеславия, но в то же время понимаю, что обижаясь на него признаю в то же время в себе тщеславие. Понимаю, конечно же, что лучше средство против тщеславия – это смирение, то есть спокойный и очень простой взгляд на себя и происходящее вокруг, когда человек воспринимает происходящее адекватно. Ан нет! Как человеку тщеславному важно, чтобы и другие непременно говорили бы обо мне и моем открытии. Хотя, всю жизнь я позиционировал себя человеком скромным, застенчивым и не тщеславным.

Завистливые коллеги могут нанести серьезный удар по карьере, испортить отношения с другими сослуживцами, стать причиной серьезных неприятностей, связанных с работой. Завидующий, как правило, не уверен в том, что может добиться тех же достижений. Завидовать может и большая часть коллектива. Однако, не следует путать с недоброжелательным отношением, недопониманием и конфликтами, продиктованными иными мотивами. Иногда это носит печать злопыхательства, критиканства и перехода на личности. Такое бывало не редко, если не постоянно. В этой связи, я давно осознал, что не следует провоцировать зависть в коллективе, нужно постараться оставаться всегда в тени. Между тем, это не всегда удается. Я не обладал таким качеством, которое я бы назвал пониманием устройства жизни и аппаратных игр,

не обладал и административными способностями, иногда совершенно не понимая пружины непростой общественной жизни Академии наук. Вот почему, мне приходилось далеко не просто работать в самом Президиуме Академии наук на таких должностях, как Главный ученый секретарь, Председатель отраслевого отделения, требующих способностей безошибочно находить правильный тон общения с сотрудниками множества академических институтов, обладать умением слушать, управлять, приказывать, заставлять. Меня спасала моя готовность работать, мое упорство и терпение. Я понимал, что в борьбе за справедливость нужно научиться отстаивать свои взгляды и суждения. Всегда молчаливый на Общих собраниях Академии наук, я однажды эмоционально выступил вопреки моим убеждениям вести себя сдержанно. Речь шла о сохранении нынешнего статуса русского языка в стране. Я всегда был уверен, что в Академии наук безоглядный переход на кыргызский язык обозначает конец фундаментальной науки в Кыргызстане, учитывая, что это вызовет неимоверные сложности использования научных и информационных ресурсов, прежде всего, на постсоветском мире.

Вообще, русский язык – это средство приобщения нашего народа к мировой культуре, литературе, науке, новым технологиям. Можно запросто спрогнозировать, что существенно пострадает научный, образовательный и культурный процесс в республике, который опирается на огромную соответствующую базу русского языка. Сохранение и развитие русского языка необходимо для становления и самовыражения кыргызской интеллигенции и, прежде всего, ученых. Надо исходить из того, что замкнутость в своей языковой среде закрывает доступ отечественной науки на мировой уровень. Научная мысль не может развиваться изолированно, а потому новые результаты и разработки кыргызских ученых, опубликованные исключительно на кыргызском языке, останутся закрытыми для мирового научного сообщества. Вот почему, на постсоветском пространстве русский язык является полноправным языком научной и академической коммуникации. Поддерживая публикации на русском языке, мы вносим свой вклад в формирование глобальной исследовательской повестки. Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации. Вот-так пафосно пришлось выступить. Сразу же после моего выступления, ряд членов Академии наук накинулись на меня, обвинив меня в не патриотизме, перейдя на личность и указав на то, что я, как главный ученый секретарь должен был стать чуть-ли главным проводником процесса перехода на государственный язык в научной сфере.

Сейчас мы стоим на берегу реки, в которую войти дважды, к сожалению, никому не суждено, наступило время собирать камни, разбросанные в течение полувека нашей жизни. Согласно моей теории смерть человека не укладывается в привычные рамки биологического измерения. Когда человека настигает смерть, то он становится бесформенной онтологической массой с утратой будущего навсегда, тогда как любая болезнь лишь сужает у человека горизонты будущего, хотя, постепенно ведет к постоянной его утрате. В этом аспекте, оппозицию «жизнь» / «смерть» нужно сменить на оппозицию «Жизнь» / «антиЖизнь». Так логичнее, ведь когда биологическая смерть у человека уже наступила, тогда все шансы категорически утрачены. Это тотальный конец человека, когда даже реаниматологам делать нечего. Вероятно, потому правы мыслители, которые говорили «Зачем бояться смерти? Когда наступит смерть, то нас уже нет!». Так вот миссия врачей – это борьба с «антиЖизнью», а то, что с такой миссией врачи справляются, безусловно, составляет законную нашу гордость. Чем не утешение?

Самое большое мое желание сейчас – пусть еще продлится жизнь. На мой взгляд, нужно отрешиться от жизненных негативов, как говорил Фома Аквинский (1225—1274), «...отдаться тяготению к счастью и смыслу...», то есть постараться жить в согласии с сами собой, не обращая серьезного внимания на негативы вокруг. Однако, при этом категорически не надо уповать на Бога! – утверждаю я, обращаясь к своим коллегам, детям. Мы же медики особой закваски, не признающие суеверия и идолопоклонства, то есть прошедшие строгую школу научного атеизма. В этом плане, не следует забывать об эстафетном принципе нашей эволюции, как медиков и мировоззренчески состоятельных личностей. Верить в Бога в XXI веке – в веке ато-

мов и кватового мышления – все же аут! Уже тогда, полвека тому назад я все же преодолел в себя мракобесие, а сейчас я уверен в том, что в народе наступило время засилья религии всех мастей в мозгах и особенно прискорбно, религиозное мракобесие «процветает» в головах нового поколения медиков. Абсурд, когда современный человек, а тем более медик, вдруг поверит в то, что человек – это существо, скомканная из грязи. А ведь лукавят в этом даже маститые ученые-медики, которые так сказать «ползком пробирались по всем закоулкам человеческого организма, исправляя их по ходу как ошибку природы». Самое обидное то, что сами ученые-мозговеды долдонят о промыслах Бога, вычисляя «параметры» этого промысла в нумерологии. Все это не что иное, как откровенное предательство морали, смысла, ценностей нашего научно-медицинского братства.

Завершая главу хотелось бы вернуться к сути назиданий отца. Конечно же, горько жалел о том, что в свое время не вникал в его суждения, считал его слишком суровым, поздно понял, что правда была за ним. «Эх, знал бы сейчас отец, что я стал уже чуточку другим! Прости, отец, я великим не стал, но я стал похож на волка, как ты хотел меня видеть!». Здесь нужно пояснить. Отец почему-то всегда считал волка благородным хищником. Временами меня мучают мысли о несостоявшемся главном разговоре с отцом. Помнится, в школьном моем возрасте, в его присутствии все замирало, в воздухе ощущалось звенящее напряжение, а его упреки звучали, как удар хлыстом, отбивая желание прислушаться. Конечно, мне надо было пересилить себя, отбросить свою боязливость. Однажды, когда я уже стал главным хирургом района и уже приобрел некоторое уважение среди населения, он как-то сказал: – «Работая военкомом в годы Великой Отечественной войны мне приходилось собирать и отправлять людей на войну. А каково было доставлять в семьи похоронки с фронта. Когда все радовались Победе, я безутешно плакал по землякам, не вернувшимся с войны». После некоторой паузы он продолжил: – «Вижу, ты прикипел к хирургии и тебя не отговорить от нее. Ты пойми, что самое дорогое у человека жизнь! Заклинаю тебя, будь сверхответственными в своем деле! Если ты хочешь учиться, то поезжай, я не буду противиться, ибо, я понимаю, чем больше у тебя будет хирургических знаний, умений и навыков, тем более грамотным и умелым хирургом будешь. Мне будет от этого поспокойнее».

Глава 2

«Я-концепция»: творческие контексты

В данной главе изложены творческие контексты «Я-концепции» и комплекса неполноценности. Концепция творческого «Я» является самым главным конструктом адлеровской теории, ее высшим достижением. Хочу подчеркнуть, что тема творчества является одной из основных в моей жизни, как результат познания и пережитого внутреннего опыта. Именно в творческих подъемах и прорывах преодолевался мой комплекс неполноценности. Так или иначе, как мне кажется, мой комплекс неполноценности и составляет основу для развития моего творческого «Я», если учесть тот факт, что с детства я отличался продуктивным воображением и часто страдал от того, что излишне концентрировался на своей внутренней жизни. Даже во взрослый период, я с горечью замечал, что меня, многие плохо понимали главное во мне, а потому в моем сознании всегда звучала фраза «Счастье – это когда тебя понимают». А между тем, я больше, чем кто-либо из моего окружения пытался открыться людям, в том числе в своих произведениях, то в образе придуманного своего прототипа, то прикрываясь псевдонимами (Кара Дабан, Хаа Энди). Писал о событиях, о времени, постоянно производя их оценку, будучи то в роли моралиста, защищавшего идеи человека в критические моменты, то в роли пропагандиста, показывающего метаморфозы человеческого в человеке, то в роли популяризатора науки. Была у меня такая необходимость, чтобы проявить себя, с намерением, чтобы быть понятным, воспринятым. Причем, все это несмотря на свою природную застенчивость, закрытость, закомплексованность.

По З. Фрейду (1856—1939) и А. Адлеру (1870—1937), застенчивые люди склонны оттачивать свои творческие способности, чтобы воплотить это воображение в мир и материализовать свои чувства [Фрейд З. Психология бессознательного, 1990]. Авторы подчеркивали, что застенчивые люди чрезвычайно чувствительны к чувствам и эмоциям других, что позволяет им преуспевать в творчестве или же на таких должностях как психолог, социальный работник или учитель [Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии, 2015]. В отношении себя, хочу сказать, что даже хирургия во многом интересовала меня, как специальность, тесно связанная с критическими моментами в жизни человека – хирурга, с одной стороны и, больного, с другой стороны, с соответствующими всплесками их эмоций, стресса, трагедий в процесс их взаимоотношения. Как мне кажется, именно это заставляло меня, как творческого человека размышлять, оценивать и додумывать о критических реакциях не только больного и его родных и близких, но и самого хирурга в ситуациях вынужденного взаимодействия.

Согласно законов психики, стиль жизни человека формируется под влиянием его творческих способностей. Так или иначе, именно эта творческая сила отвечает за цель жизни человека, определяет метод достижения данной цели и способствует развитию социального интереса, влияя на восприятие и память. Все мои исследования проблем «переносимости» больных, «дозволенности» операций, «регламента» самого оперативного вмешательства – это не что иное, как снижение риска операции, удержание хирургии в нравственно-моральных рамках профессиональной деятельности, поиск сбалансированного противовеса всем спонтанным реакциям и рефлексам больного, с одной стороны и, хирурга, с другой стороны. Таким образом, на мой взгляд, невозможна творческая философская мысль, если нет сферы проблематического, нет мучительных усилий разрешить новые вопросы, нет искания истины.

Наблюдая над творческим процессом в самом себе, я иногда поражался несходством того, что мне говорили и думали обо мне другие люди. Возможно, процесс мысли и познания во мне протекал иначе, чем обыкновенно его описывают. Философы академического типа предпочитали меня называть мыслителем, очевидно, обозначая этим в моем лице философа более вольного, менее методического типа. Как правило, мои мысли внешне отрывочны, но они являются результатом осмысленного синхронизированного умозаключения с его дискурсив-

ным выводным мышлением. В этом аспекте, анализ и синтез в какой-то мере являются характерной стороной моей философского творчества, что, в сущности, обеспечивает осмысление связи отдельного, частичного с целым.

Когда я пишу, то иногда чувствую, что мысли обгоняют текст, создавая впечатление, что текст формируется сама собой, что мысль даже изначально связана с внутренним словом. Мне остается шлифовать текст, внося лишь некоторые исправления, по ходу обдумывая написанного. Поэтому в моей манере писать, безусловно, есть и некоторая синтаксическая небрежность, и ненужные повторы, и несобранность мыслей. Раньше, да и сейчас у меня происходят мучительные сомнения, найдут ли понимание мои мысли у читателя через мои писанины и книги. В этом аспекте, лично меня, обыкновенно, мои произведения никогда не удовлетворяли. Если честно сказать, я боюсь вновь прочесть изданную мною книгу, дабы не расстраиваться, заиклившись на обнаруженных при повторном вникании, просчетах и недочетах текста. Интересно, что самые важные, основоположные для меня мысли приходили в голову в моменты, которые могут многим показаться неподходящими для так называемого «кабинетного» философского мышления. Иногда случайные наблюдения и их осмысление были важнее для формирования новых мыслей, чем углубленное чтение философских произведений. Этим хочу подчеркнуть, что чтение книг не есть главный источник моей мысли, хотя я всегда много читал и читаю. Все же главным источником моей собственной философии является события жизни, моей врачебной, педагогической, научной, организационной и общественной деятельности.

Творчество, как процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности – есть труд и созидание. Как выглядит автопортрет человека, с головой ушедший в работу? С одной стороны, созидательность, как познание закономерностей объективного мира и через него поиск и формирование новой реальности, а с другой стороны, одержимость работой, носящий на себе стигматы человеческого рода, когда работа дорожит «потом лица своего», который превращает его в знак отличия и который суетится и мается, находя в этом радость. Мне кажется, у меня никогда не было настоящего отпуска, потому что именно на отпуск брал самые трудные задания, которых планировал решить в тишине и покое на даче. Там мой стол всегда был завален книгами и бумагами, там я писал большинство своих книг, монографий, правил диссертации моих учеников. Тогда как дом у меня, по сути, не было рабочего кабинета. Статьи, диссертации, отчеты писал, главным образом, в своем рабочем кабинете, зачастую задерживаясь там допоздна.

Помнится, свою первую кандидатскую диссертацию писал приспособив под стол фанерный ящик из под посылки. В те годы мы, жена и четверо детей ютились в двухкомнатном домике, сданном под найму. Как-то один мудрец сказал, что «отрешенный и оглушенный работой человек, никогда не выйдет из состояния вечного хотения, стремления, достижения». Вот так, я, под влиянием своей тени, то есть комплекса неполноценности, получал способность мечтать, желать, стремиться к действию, бросаться в него с жаром, забывая себя, добиваться, а затем все начинать заново, но в другой области познания и работы. Сброшенный в этот мир, чтобы научиться выбирать, человек обречен на деятельность, на поступки, и сможет выполнить это творческое предназначение, только если подавить в себе созерцателя и станет деятелем – таково умозаключение многих мыслителей прошлого и настоящего.

Что же представляет собой творческая натура? Творчество – это одержимость трудом, мистическая интуиция, воображение, хобби, предназначение, работа? У меня никогда не было ощущение некоей предназначенности, не было и хобби, если не считать обыкновенное бродяжничество, под которым я понимаю бесцельное путешествие «по долам и горам». Для меня дорога всегда была заманчивой, маня меня отмерить дальнюю даль. Именно вышагивая ее я собирал свои мысли, шел и размышлял, меньше всего обращая внимание на то, что происходит в то время вокруг меня и дороги. В этом смысле, я мало понимаю пеших или моторизи-

рованных туристов, которые вольно или невольно путешествуют по дорогам, затрачивая свое время на отдых, встречу с новыми людьми, красотами природы, знакомство с достопримечательностями мест, испытанием себя на прочность. Особенно меня воодушевлял безбрежный простор степей, горные тропы и вершины, а также бурные реки и морская даль. В эти моменты у меня появляется какая-то эйфория, окрыленность от настоящей свободы.

С детства искренне завидовал цыганам с их вечной веселой путевой жизнью, по-настоящему наполненной свободой, с их стремлением дойти до горизонта и далее пойти за горизонт. А еще в детстве завидовал дервишам, бродящих по селам с заплечной торбой и посохом в руке. В моих детских воображениях рисовался мой путь с дервишем или цыганским табором на край земли. В своих книгах «Клон дервиша» (2016), «Икс-паразит» (2022), «Грани отчаяния» (2014), я, в какой-то мере олицетворял, одухотворял жизненный стиль дервишей, и что скрывать, иногда представляя себя самого дервишем, идущим по дороге жизни – свободный на все четыре стороны, ничем необремененный, далекий от условностей и суеты жизни, представленный самому себе. В моем идеале, настоящие дервиши знают цену пути, они не только ищут в дороге истину и знания, а несут их с собой.

Признаться, еще два десятилетия тому назад, иногда мне безумно мечталось пройти пешком тысячекилометровый путь от Бишкека до свое далекого родового села Кара-Даван, что в Ляйлякском районе. Да и сейчас, когда мне уже под семьдесят, если бы кто меня позвал в такую дорогу, я бы наверняка не устоял. Признаться, я всегда мало понимал туристов, охотников, рыболовов, спортсменов, удивляясь их в несерьезности, тратить свое драгоценное время на «погоню за мячом, за зайцем, за рыбой, за впечатлениями», бесцельно выжимая из себя адреналин. Для меня такое времяпровождение «не вариант», тогда как для меня имеет значение не столь «объект преследования», сколь сама гонка. Хотя, я допускаю, что у вышеперечисленных людей такой же интерес к процессу, а не к предмету внимания и вожделения. Нет, да нет у меня появляется мысль о том, что азартные, по сути, люди готовы на многое, лишь бы отвлечься от мыслей о самих себя. А как понять феномен истинных болельщиков? Невольно приходит мысль о том, что у армии болельщиков и у людей, различного рода хобби появляются оттого, что они не могут усидеть наедине с сами собой. Видя их азарт и гоночные потуги, скажем на футбольном поле, ко мне всегда приходят мысли старика Хоттабыча: «раздать каждому футболисту по мячу и исчерпать, таким образом, проблему их гонки по стадиону за единственным мячом». Понимаю, что и в науке существует дух соперничества. Если в спорте уступать в силе – это акт необходимости, а не воли, то в науке – уступать интеллекту – это также акт необходимости, а не воли. Если в спорте уступать в силе – это акт благоразумия, то в науке, морали, нравственности – это, наоборот, акт категорического неблагоразумия.

Н.И.Бердяев (1874—1948) в своей книге «Самопознание» (1940) отмечал, что к числу людей творческих можно отнести лишь теоретиков, художников, ученых, изобретателей, писателей, вопреки общему мнению о том, что им может стать любой художник, поэт, композитор. Автор пришел к выводу о том, что необходимо отделить «особый творческий талант» от «творческих способностей к самоактуализации», существенным аспектом которого является особый вид восприятия мира. По Платону (428 г. до н.э.) – это «божественная одержимость», по Э. Гарману (1996) – «животворное дыхание бессознательного», по А. Бергсону «мистическая интуиция», а по З. Фрейду (1856—1939) – «инстинкт созидания» [Фрейд З. Психология бессознательного. – М., 1990]. Так или иначе, творческие люди живут в реальном мире природы, чем в созданном из слов мире концепций, абстракций, ожиданий, верований и стереотипов. К. Роджерс (1902—1987) подобрал великолепное определение таким творческим людям – «идеально функционирующая личность».

Очевидно, к такой категории людей я себя никак не отношу, так какотягощен выраженным комплексом неполноценности, предполагающий ту самую «открытость ощущений» в человек. Люди с «открытым ощущением» могут быть, как и невротики, растерянными, испу-

ганными, анархичными, хаотичными, сомневающимися, неуверенными, неопределившимися, неаккуратными и неточными, но лишь в определенных жизненных и профессиональных ситуациях. Между тем, они всегда отличаются выраженным эго и яркой индивидуальностью, они легко забывали о своем эго, поднимались над своим «Я» и сосредоточивались на эффективное решение проблемы. То есть они умеют интегрировать и интегрироваться. Такие «интеграторы» в сущности самодостаточны, они придерживаются принципа: «Никого не бойся – ничему не верь, ничего не бойся – никому не верь», а живи ярко, выразительно, не боясь самого себя, ни своих желаний, эмоций, мыслей и суждений. А люди с комплексами, наоборот, возводят стену, призванную защитить их от страха, который по большей части находится внутри их самих.

Как известно, для создания стоящего произведения требуется не только просветление, вдохновение, пиковое переживание, но и тяжкий труд, большой опыт, беспощадная самокритика, стремления к совершенству. Если в творчестве самоактуализации на первом месте стоит личность, а не ее достижения, то для творческого человека, прежде всего, имеет значение его достижения, а потом уже личность со всеми его слабостями, в том числе комплексами. Наверняка, подумают люди, что я выбрал философию, как человек с выраженным комплексом неполноценности, замкнувшийся целиком на себя, страдающий от различных депрессивных фобий и маний. Благо, что подавляющее большинство таких вот людей, по натуре своей философы заняты сами собой, предаваясь самосозерцанию, поиску смысла жизни в глубинах собственного «Я». Таков, возможно, мнение большинства, знающих меня и мой комплекс неполноценности.

Рене Декарт (1596—1650) писал: «я освободил ум от всяких забот и обеспечил себе безмятежный покой, дабы на свободе серьезно предаться решительному ниспровержению всех моих прежних мнений» [Декарт Р. Размышления о первой философии, 1641]. Выходу моей книге «Моя тень» предшествовало издание моей объемной книги «Сущность теней» (2022). Мой «период молчание» длился недолго и книга «Моя тень» не появилась будто из ниоткуда, можно было ожидать, что за изложением «биографии» моего маленького рода, появится вот такая моя философская авторизованная «биография». В жизни у меня очень редко бывали моменты высокой радости или пронзительной печали. С детства мне казалось, что я не способен на такие чувства и сколько себя помню, всегда ощущал какую-то малопонятную для меня тоску. Согласно точек зрения психологов, тоска – это сильное душевное томление, за которым стоит желание к обладанию чем-либо или кем-либо, подпитываемое воспоминаниями из прошлого или мечтами из будущего. У меня же тоска в особенности сильно усиливалась после какого-либо личного достижения, будь то окончание школы, института, рождения детей, защита диссертации, получения ученых званий, наградений. Но были и моменты острой неуверенности в себя, депрессии, разочарования, в особенности часто при наступлении круглых дат моего рождения.

Помнится тяжело перенес пятидесятилетний день рождения, когда я шагнул в зрелый возраст, перешагнув некий рубеж. Оглянувшись назад в ушедшую молодость, которую, как мне показалось, я просто проспал, потратил впустую. Почему-то остро ощутил, что в молодости больше спал, нежели бодрствовал, действовал, жил, творил, что допустил много непоправимых ошибок, что мало чего добился в жизни и работе, мало внимания уделял семье, детям, родителям. Хотя к этой ключевой дате – пятидесятилетию – успел защитить кандидатскую и аж две докторской диссертации по медицине и философии), получил почетное звание «Заслуженный врач Кыргызской Республики», создал самостоятельную кафедру, а также как мне долгое время мечталось, Проблемную лабораторию клинической и экспериментальной хирургии.

Таким образом, был даже повод не испугаться ощущения непонятного краха, какой-то безысходности жизни. Но вот меня почему-то накрыла тоска, пустота, одиночество. Целый месяц такой тоски, злости на самого себя, ощущение тщетности, уныния. Лишь потом я понял, что это была экзистенциальная тоска, которая, как подчеркивают психологи, сбрасывает как

трамплин. В бессонные ночи лежал и анализировал, переосмысливал, сопоставлял, мечтал. Со злостной частотой в голове всплывали неприятные воспоминания, чувство вины, обиды, зависти. Разумеется, понимал, что за всеми этими чувствами и состояниями стоял тот же мой комплекс неполноценности с его феноменом, имя которому максимализм.

Трудным для моей психики был и переход в разряд пожилых людей, когда мне исполнилось шестьдесят лет. Однако, к этому переходу я в какой-то степени готовился. С нетерпением ждал выхода на пенсию по выслуге лет (60 лет), чтобы получить полную свободу. Многие, в особенности те, кому уже было старше семидесяти лет, выражали свое удивление и непонимание моему ожиданию пенсионного возраста, советуя просто отказаться от привычки постоянно возвращаться в прошлое или заглядывать в будущее, а жить не только полноценной жизнью сегодняшним днем, а настроиться даже на будущие десятилетия. Они оказываются были правы. Но, когда возраст неуклонно приближается к семидесяти и после полного ухода с официальной работы, нет-да-нет, наступает чувство неудовлетворенности собой. Однако, отрезвляет осознание того, что уже ничего не сможешь спланировать что-либо серьезное даже на ближайшее время, осознаешь, что даже твой завтрашний день не очевиден.

В своих трудах я много раз обращался к проблеме психологии восприятия людьми феномена смерти, его неотвратимости, а потому я сейчас не боюсь наступления своего увядания и кончины. Однако, как человеку, который жил по большей части для детей, во мне вселился страх будущего наших детей и внуков. Трудно отогнать мрачную картину даже ближайшего будущего. Все чаще начинаю прислушиваться к ученым-футурологам, а по их прогнозам ничего позитивного будущее просто не несет. Кинокартины, поставленные по сценариям, написанных на основе футурологических прогнозов ничего хорошего – насилие, войны, хаос, голод, разруха. Все это вызывает в людях настоящий футурошок. Они забыв о настоящей жизни, готовятся на черный день завтрашнего – строят бомбоубежища, делают заготовку на много лет вперед. Вот-так человек перестает жить, а начинает просто существовать, чтобы выжить. Такое ощущение у меня было всегда. У меня в жизни не было условий, чтобы хорошо жить сегодня, не говоря уже о том, что как-то позаботится о жизни вперед. Я не копил денег на черный день не из-за какого-либо надуманного принципа или убеждения, просто у меня не было такой возможности в жизни. Тема бедности, лишений мне знакома не понаслышке. Как и все честные люди жил от зарплаты до зарплаты.

Все помнят известную кинокартину «Бриллиантовая рука», когда один из героев фильма произносит проклятье – «Что бы ты вечно жил на одну зарплату!». Все понимают, что вечная нехватка денег – это чуть ли не главная причина депрессии, тоски для большинства людей. Для меня казалось, что проблема вечной нехватки денег надуманная и касается, главным образом, тех людей, которые привыкли жить на широкую ногу. Не скрою, я, как говорится в народе, никогда не располагал лишним рублем, жил в материальном плане в стесненных условиях, как говорится в народе растягивая жизнь «от зарплаты до зарплаты». Но решал эту проблему, как мне казалось, просто, наивно – безвыходно умерив свои потребности, ограничив до нижних пределов свои притязания на достаток. Такой тактики «затягивания пояса» я придерживался, как мне кажется, всю свою взрослую жизнь. Помнится, когда возникала острая нужда в деньгах на какие-то торжества, события, я ощущал мелкую дрожь по всему телу, в душу заселялась бесприютная тоска, а в мозгу лихорадочно проносились лишь тягостные мысли – как выйти из положения?

Боялся, как бы не оказаться в долгу у кого-либо. Это сегодня, считают, что «умный должен жить достойно», а иначе зачем ему мозги? А как быть если твои мозги «заточены» не на деньги, богатство, достаток? А если у тебя есть еще совесть и ты не умеешь кривить душой? Если у тебя нет изворотливости и понимание тонких механизмов выгоды для себя? Мое окружение знает, что я равнодушен к материальным благам. Кто знает, возможно это было вызвано моим сокровенным стремлением отомстить судьбе за то, что она не наградила меня

умением крутится в жизни и приспосабливаться к обстоятельствам. Возможно, это было тайным средством, спасающим от унижений своей материальной несостоятельности, стремлением к признанию в обход того, что можно было бы достигнуть состоятельности.

Считается, что продуктивные мозги, умение хорошо и добросовестно мыслить, с одной стороны, подарок судьбы, природный счастливый дар ученого человека, а с другой – его проклятие. Об этом свидетельствует судьба многих гениев и талантливых ученых, жизнь у большинства которых была наполнена моральными страданиями, непониманием и завистью людей, одиночеством, а иногда и уходом в мир вымыслов. Именно у гениальных и талантливых ученых, их разум, способность к абстрактному и планетарному мышлению, страсть к познанию и совершенствованию – самое большое несчастье и проклятие в их жизни. Обыкновенный человек без комплекса неполноценности живет своей безмятежной жизнью, довольствуясь обычными потребностями, не абсолютизируя ни какую-либо цель, ни какое-либо желанное будущее, тогда как человек-максималист, страдающий этим комплексом, наоборот, начинает все абсолютизировать – стиль жизни, свое будущее, стратегию совершенствования. Вот-так у последнего они со временем перейдут в привычку, затем в потребность, а позже перерастут в перманентное недовольство своею жизнью, потерю ее смысла.

Таким образом, талант, продуктивные мозги, способность эффективно мыслить – это тяжкая ноша, вынести которую способен далеко не каждый ученый люд. Их удел особый образ жизни и творчества – замкнутость в себя, в одиночное творчество. Отсюда, специфика разных судеб ярко «индивидуализированных ученых» – ученых-одиночек, ученых-отшельников, ученых-фрилансеров.

Уже будучи доктором наук я однажды услышал об уникальном исследователе – Самате Кадырове – величайшем кыргызском ученом, создавшем квантовую теорию гравитации. Вы только представьте себе, малоизвестный ученый-одиночка, оспаривал теорию относительно А. Эйнштейна (1879—1955), создав квантовую космологию «Теория Единого поля». Этот человек является уникалом и гением своего времени, так как смог обогатить теорию самого Ньютона. Мне хотелось бы акцентировать внимание на тот факт, что много раз ученые с мировым именем пытались оспорить кадыровскую теорию. В свое время к этому приложил руку и наш академик А.А.Акаев, инициировав создание Центра по защите теории А. Эйнштейна. Что ни говори, но тысячу раз прав наш истинный патриот и патриарх кыргызского народа Дооронбек Садырбаев, когда говорил о том, что «главный враг кыргызов – это сами кыргызы». Так-вот, С. Кадыров – самый настоящий ученый-одиночка, который один, среди непонимания, зависти, интриг, игнорирования, он продолжал изучать такие кардинальные научные категории, как пространство и время, небесная механика, космология, микромир, абсолютность и относительность процессов во Вселенной, теории света и тяготения, все больше вникая в тайны мироздания, в его фундаментальные законы. И что было дальше? Под разным предлогом на всемирное обсуждение его теорию не допустили, так сказать, спустили на тормозах. Как же, какой-то малоизвестный физик-теоретик, кандидат наук, претендует на мировое открытие? – посчитали отдельные чиновники-властолюбцы от науки. В этом, конечно же, сыграла свою зловещую роль тот самый Центр и плеяда подконтрольных ученых.

Кадыров С. не стал защищать даже докторскую диссертацию. Зачем ему – гению еще писать диссертацию. И если бы и написал, нашлись бы оппоненты, которые перечеркнули бы его результаты. Вся история его личной жизни показывает, что вокруг него строились невероятные козни, интриги. Но, какие выдающиеся теоретические концепции он успел выдвинуть. Поговаривали, что они могли быть выдвинуты на соискание Нобелевской премии. Ведь его теория Единого поля дает человечеству великолепный шанс не только выжить, но взаимосовершенствоваться с природой. Жаль, Кадырову не повезло с научной школой. Он был ученым-одиночкой. Трудно сказать, перешли ли его талант и гениальность к детям, внукам.

Неужели, такие ученые, как он начисто лишены каких-либо амбиций, тщеславия? – задавался я, убеждая самого себя – «Ведь так не бывает». Сама эволюция поставила во главу угла развития – борьбу – постоянную конкуренцию за первенство. А получается, что такие ученые, как он, напрочь лишены амбиций, абсолютно равнодушны к первенству, нигде не светятся, публикуются редко, а в их портфеле, между тем, не одно научное открытие, не одна сформированная новая теория, выдвижение не одних новых концепций, гипотез. Феномен таких ученых заключается в том, что они являются ученым-творцами, которые создают свой мир, свою систему, «свое» время, «свое» пространство. В совокупности они работают на предельно эффективный и уникальный результат. Такой ученый, как правило, отличный аналитик, обладает энциклопедическим знанием в своей области, обладает богатым воображением, универсален и прозорлив. Согласен с тем, что в реальности такие ученые, как правило, бывают тщеславными, горделивыми, кичливыми. Вон сколько таких в Академии наук. Однажды, один из правдорубов от науки, академик А. Ибраимов публично и иронично заявил: «Да не уж-то некоторые академики уверены, что избраны по достоинству!».

Зная научную, в том числе академическую среду изнутри, могу сказать, что в любом научном сообществе, включая Академию наук, самым сложным является налаживание именно научного консенсуса. Оказалось, что невозможно адекватно объяснить ни процесс открытия ни установление научных закономерностей, ни процесс их обоснования и принятия, не обращаясь к дихотомии «субъект №1 – субъект №2». Таким образом, объективная оценка научного труда всегда, в какой-то мере, содержит субъективные элементы. К современной оценке продуктивности и эффективности ученого как исследователя я отношусь с должным пониманием. К сожалению, до сих пор более приемлемого способа публикационной активности и научной эффективности ученого, чем индекс цитирования пока не изобрели. Между тем, собственно индекс цитирования, индекс Хирша, касающейся массива естественных наук в той или иной мере развита, тогда как индекс цитирования массива гуманитарных наук, литературы и искусства, вообще не развита. С другой стороны, мировые системы научной информации, занимающейся вопросами идентификации публикаций ученых, практически трансформировались, превратив процесс регистрации и публикации в коммерческие проекты. Отсюда, стоит ли уповать на общепринятую индексационную практику? А такой массив публикации, как полноценная монография вообще не учитывается.

Все говорят, что ушло в прошлое романтический образ время ученого-одиночки. А мне кажется, феномен ученых-одиночек по-прежнему актуален. Есть такое понятие фрилансер. Если говорить простым языком, это специалист, который работает вне офиса, «вольный художник», который выполняет свои должностные обязанности, не будучи зачисленным в штат какой-либо организации. Проще говоря, специалист, отпущенный на «вольные хлеба»? В обществе существует стереотип – ученых-фрилансеров не бывает. Однако, сейчас в мире разворачивается мировой рынок труда в направлении фрилансерской работы на основе проекта. Распознавая себя в качестве свободного исследователя, ученый-фрилансер не только будет работать в выбранной научной области с огромными возможностями развития и роста собственного рынка научной продукции. Сейчас идет сращение науки и бизнеса. Бизнесу нужны мозги, а науке – деньги, создается этакий симбиоз ученых и бизнесменов. Ученый-фрилансер – это профессиональный ученый, работающий на себя, на свое развитие без посредника. Он может организовать частную научную инфраструктуру и выступить в виде работодателя. Этот коллектив сам ищет себе заказы и сам их выполняет. Такие миллиардеры, как Илона Маск, Марк Цукенберг, тратят триллионы долларов на создание современной научно-технологической инфраструктуры и на выполнение глобальных научных проектов. Результаты окупаются. Их ракеты, спутники, роботы, уже летают в космосе.

Еще в девяностые годы прошлого столетия, я со своими учениками создали ОсОО «Лаборатория медико-биологических наук «Trans-Time» (1994), задачей, которого было коллабо-

рация отдельных фрагментов комплексных клинико-лабораторных, инструментальных, морфофизиологических исследований, а если поступал соответствующий заказ, то и научное обобщение полученных данных на уровне диссертации. В рамках такой задачи данная частная лаборатория интеллектуально «протезировала» десятки диссертационных исследований в стране. Помнится в те годы не без нашей помощи защищались от трех до десяти докторских и кандидатских диссертаций. В те и в последующие годы я лично, как мне кажется, основательно подпортил свою репутацию честного ученого, так как многие коллеги из-за непонимания сути фрилансерской нашей деятельности посчитали, что мы пишем диссертации за деньги. Если это было бы так, то сейчас я был бы миллионером и купался бы в роскоши.

Надо признать тот факт, что многие люди, считающими себя учеными таковыми, к сожалению, в реальности не являются. Более того, некоторых не следует допускать к науке на пушечный выстрел. Написать грамотно сообщения, доклады, статьи, не говоря уже о монографии и диссертации, не каждый может. Вот в этих случаях на помощь должны приходить ученые-фрилансеры. Что же здесь предосудительного? А как обстоит дело с такими учеными в гуманитарной науке? В наш век появилось понятие дигитальные гуманитарии. За последнее десятилетие это научное направление стало настолько междисциплинарным, что попытки очертить его контуры, кажутся невероятными. Математические методы, программирование оказывают неоценимую помощь в интерпретации, контекстуализации и публикации результатов конкретных объектов изучения гуманитарных направлений – текстов, картин, музыки, культуры в целом. В этой сфере появляется все больше многопрофильных «фрилансеров умственного труда», которые не связаны долгосрочными договорами с научными учебными заведениями, участвуют в нескольких проектах и работают в нескольких направлениях. Есть и конкретные примеры. В частности, по моей инициативе в Национальной академии наук создан Виртуальный Институт Человека. Его задача создать творческое научное сообщество, размещенная на интернет-пространстве. В рамках этого конкретные ученые в виртуальном поле выступают в качестве учеными-популяризаторами, менеджерами, одновременно продвигая ценности и методы гуманитарных наук, в целях формирования и развития современной научно-мировоззренческой культуры индивида. Однако для функционирования этой системы требуется масса заинтересованных, увлеченных, результативных ученых-одиночек, которыми и будет руководить цифровой гуманитарий.

На мой взгляд, цифровой гуманитарий должен обладать передовыми навыками лидерства, сетевого взаимодействия, командообразования и коммуникации. Статус цифровых гуманитариев определяется уже не относительно фиксированным названием, а конкретными, как правило краткосрочными, функциональными ролями, которые могут трансформироваться в новые состояния по мере развития проектов или их замены. Интернет-технологии вполне отвечают таким задачам. Вот, к примеру, ученые-фрилансеры в рамках деятельности Виртуального Института Человека должны быть готовы не только решать конкретные задачи, но и проводить самостоятельные исследования в интересующей их сфере. Я согласен с тем, что большинство ученых, в особенности гуманитариев, не верят, что у них есть все навыки, которые им нужно начать как фрилансер. Один является хорошим администратором в области науки, а у второй является хорошим исследователем-аналитиком. Почему бы им не объединиться и создать свою офлайн или онлайн инфраструктуру и начать свою деятельность на «вольных хлебах»? Сейчас ученые-фрилансеры у нас предпочитают работать в тени, в сером секторе науки, готовя научные статьи, доклады, сообщения, монографии и диссертации. В этой связи, стоит вопрос о легализации их, привлечения их к решению крупных научных программ и проектов.

Будучи начальником отдела Национальной аттестационной комиссии Кыргызской Республики, я не раз поднимал вопрос о природе и возможностях фрилансерской деятельности в стране. К примеру, что касается деятельности ученых-фрилансеров, пишущих диссертации.

Насколько это приемлемо, справедливо? Я считаю так: если соискатель разбирается в предмете исследования, по которому нужно написать диссертационную работу, то нет проблем. Такой ученый напишет работу самостоятельно, как это и прописано в «Положении о подготовке и защите диссертации». Он может воспользоваться образцами, пусть даже с сайтов бесплатных рефератов, дописать от себя текст и переделать под требования диссертационного совета. Но не каждый сможет написать и оформить. Вот в этот момент и приходит на помощь ученые-фрилансеры. Предосудительно здесь нет, так как в работе они сохраняют не только смысл фраз и параграфов, но и специфику, терминологию, так как они ученые-профессионалы.

За границей уже привыкли к услугам ученых-фрилансеров в этой сфере. Ну, если смысл и содержание изменяемого текста останутся прежними, термины и концептуальные слова, которые важны для понимания содержания работы, будут сохранены без изменений, то почему бы нет. Ведь диссертацию написать не каждый сможет. Все понимают, не так-то просто обобщить полученные данные, не нарушая законов логики, грамматики мысли, сформулировать гипотезу, составить научные выводы, исключить противоречия в тексте, в комментариях. В этом аспекте, после написания «эскиза», его следует отдать на проверку экспертам, руководителю. А проще обратиться к соответствующему ученому-фрилансеру. Таково мое мнение. В этой связи, вполне закономерен вопрос: было ли в моей жизни так называемый «конструктивный дискомфорт»? Это способность делать непринятые вещи для достижения своих целей. «Да, были! Скажем, когда я и моя команда писали диссертации за других соискателей. Нам, конечно же, было неприятно, этого делать. Нам было искренне не комфортно брать за это деньги. Я, как научный руководитель, действовал в этом дискомфорте исходя, в том числе и из того, что мои сотрудники при этом наращивают свои «мыслительные» мышцы, нарабатывают опыт.

Я убежден, что фрилансерская деятельность необходима, в особенности при выполнении именно диссертационных исследований. Разумеется, мы понимали, что диссертация – это индивидуальная научная работа, но а что делать, когда интересную, актуальную и перспективную научную тему продвигают не совсем подготовленные исследователи, для которых не только трудно собрать научный материал, но и, что важнее всего, обобщить и обнародовать результаты своих исследований. В этом аспекте, одним из способов справиться с ситуацией, понять, что у вас нет выбора, как обратиться к соответствующим специалистам, которые могут обобщить итоги исследований и надлежащим образом оформить научную новизну и практическую ценность диссертационного исследования.

Сформировав «привычку» добиваться своего, ученый-фрилансер не будет полагаться на чувства и эмоции, что так это делать «не стоит». Такой ученый не будет сидеть и ждать появления мотивации, готовности, опыта. В ущерб себя и своего здоровья, вопреки усталости, трудностей, непонимания и осуждения окружающих, ученый-фрилансер будет трудиться, как во благо диссертанта и науки, так и во благо себя. Разумеется, найдутся такие, которые не будут соглашаться с такой политикой. А когда на кону стоит раскрутка интересной, актуальной научной темы, идеи, гипотезы, теории?

Мы все знаем и понимаем, что в мире есть выдающиеся ученые, имена которых по разным причинам остались безызвестными. Возможно, они не создали видные научные концепции, а своими работами и выступлениями лишь не позволяли зацементировать науку в уже существующей концептуальной парадигме. Возможно, масштаб научных достижений таких ученых неизвестен в виду того, что они не вычитывались в научных кругах, так как штурмовали не общепринятые научные высоты. Возможно, они были более чем осведомлены в вопросах философии науки и совершенно нетривиально воспринимали механизм развития научного знания, адекватно современным парадигмам и постулатам. Возможно, они совершенно нетрадиционно понимали роль и значимость практического аспекта, формализации и научной полемики.

Возможно, такой ученый вкладывал свой интеллектуальный потенциал в теорию, истинности которой ему никто не гарантирует заранее, творя не только в концептуальном, но и в более глубоком – онтологическом – смысле. Возможно, это самобытный ученый, девиз которого заключается в том, что, если ученый – это творец, то почему бы ему не уметь создать свой мир, почему бы преодоление хаоса своей собственной системой. Возможно, «странность» жизни таких ученых следует рассматривать не как личностно-психологическую особенность, а как попытку предельно логичного проведения тезиса об ученом-творце. Возможно, такие ученые смогли создать и «свое» время, и «свое» пространство, где не действовали законы номенклатурной науки.

Предметика и идеология мира ученых-одиночек создавалась величинами, которые он выбирал сам. «Свое время», «свое пространство», «свое измерение», наконец. Звучит вызывающе. О таких ученых говорят «наука была его жизнью». Однако, такие ученые всегда были в курсе того, что мало кто склонялся последовать его примеру, его стилю поведения. Такой ученый определяет «эпоху» победившей научную специализацию. Он универсален, энциклопедичен, прозорлив, а также позволяет себе обсуждать научные и философские понятия на фундаментальном, смысловом уровне. Вглядываясь на таких ученых, возможно, мы не найдем той константы, которая входит в «уравнение» ученого как такового. Скорее, мы увидим только уникальность.

Сама попытка соотнести с помощью феномена таких ученых разные типы науки, ученого и научного творчества, несомненно, интересна, поучительна, уникальна. Его жизнь и творчество не похожа на общепринятый стандарт, в частности, создание научной школы. У него может и не быть этой самой школы, учеников. Хотя, академик К.И.Скрябин (1878—1972) категоричен: «Ученый без учеников, ученый-одиночка представляет собой, с моей точки зрения, жалкое и, я бы сказал, уродливое явление, ибо смысл жизни ученого должен заключаться не только в разработке новых теоретических ценностей, но и в создании достойной смены, способной шире и глубже развивать, совершенствовать идеи своих учителей и закреплять их в практике. Настоящий ученый не должен бояться того, что отдельные, наиболее талантливые ученики откроют новые явления природы, разработают новые методы и рядом своих научных достижений превзойдут своего учителя. Такими учениками надо гордиться, так как без этого не может иметь место никакой прогресс ни в науке, ни в технике, ни в искусстве, ни в литературе».

Многие, конечно, рассматривают ученых-одиночек в нашей стране чуть-ли сумасшедшими. Возможно, такой ученый более тщеславен, более горделив, как и положено одиночке. Видимо таких ученых интересовала истина, а не правильность оформления ссылок и сносок, в чём видят «научность» текста многие современные учёные. Читая их труды можно увидеть, что понять его гораздо легче, чем современных ученых, которые пишут к нему комментарии и составляют библиографии. Такие ученые являются философами по природе, которые имели дар о сложном говорить просто, тогда как современные ученые, напротив, стремятся о сложном говорить ещё сложнее. Ученый-одиночка платит за это тем, что его никогда не сочтут настоящим ученым. Но есть закономерность, настоящая истина откроется для ученого, который должен находиться в определённом состоянии, тождественном истине, которая всегда нравственна.

«Чтобы понять мудреца, нужен другой мудрец» – говорится в народе. Поймите, что такой ученый-одиночка или отшельник не какой-нибудь психопат, он просто не особо любит суеты, людей, общество. Его главным хобби, смыслом жизни и попутно способом не сойти с ума от одиночества является занятие наукой, философией, писательством. Что касается учеников, то я для них просто был наставником без наставлений – никакой морализации, только искренний интерес к людям, с которыми работает, старание по активной включенности своих подопечных в обсуждение научных проблем, кропотливая экспериментальная работа с написан-

ными диссертаций, предоставление им возможности побыть рядом со мною до определенного уровня. А потом? Потом лишь слежение за «полетом птенцов» с далека. Меня утешало то, что я в какой-то период жизни своих учеников был для них тем самым «вдохновляющим руководством». Имея разный по объему научный багаж и опыт, но общее ощущение счастливого «руководства / ученичества», пересекалась в научном пространстве не так уж и часто. Таким образом, вряд ли я могу заявить, что являюсь соавтором дальнейшей жизненной и образовательной траектории своих учеников.

Разумеется, свое жизнеописание или иначе говоря описание жизненных событий и фактов, закристаллизовавшихся в своей памяти впечатлений, дается не так просто. Многое забылось, выветрилось из памяти. Я ранее ни с кем не делился своим жизнеописанием, своим горьким опытом познания мира и самого себя. Мой нигилизм препятствовал вникать, тем более перенимать чужой горький опыт жизни и творчества, а потому, естественно, многие вещи осознавал с опозданием. Хотя нужно сказать, вопреки ожиданию, мое позднее взросление меня не раскрепощало, а еще больше замыкало меня самого в себя. Появившейся еще в детстве моя отвлеченность и болезненная сосредоточенность со временем лишь укреплялись, усиливались. Вечно отстраненный, молчаливый, мрачный, я наверняка выглядел странным в любой среде – в среде одноклассников, затем однокурсников, коллективах, в которых мне пришлось работать. Даже в среде родственников, я оставался немногословным, чуточку чужим, нелюдимым.

Я не любил и не стремился встречаться с однокурсниками. Меня не было среди них ни на десятилетие и двадцатилетие со дня окончания мединститута. Однако, отозвался на их приглашение отметить наше тридцатилетие, а позже сорокалетие, считая, что к этой дате уже достиг чего-то, чем можно было гордиться. К этому времени я был уже дважды доктором наук и членом-корреспондентом Национальной академии наук Кыргызской Республики. За общим столом в ресторане встретились, поговорили, по вспоминали. Было приятно, но встреча спустя тридцать-сорок лет не создавало иллюзии искренней дружбы, хотя давало ощущение какой-то близости с кем-то похожим на меня хотя бы внутренним складом. Естественно, многие сокурсники, с которыми мне не приходилось общаться, оставались для меня бесстрастными и почти чужими. В последующие годы я перестал отвечать на приглашения нашего курса о встрече. Через несколько лет они утихомирились, только осторожно поглядывали на меня со стороны. До сих пор у меня с ними ровное, серое отношение. Друзьями похвастать я не могу, приятельство на расстоянии с моими одноклассниками, однокурсниками, коллегами по бывшей работе вполне устраивали меня. Близкие отношения – не мое, и даже ближайшие родственники только подтверждали во мне эту мысль.

Было время, когда я работал на два научных фронта – хирургической и философской. Со временем интерес мой к хирургической теме уже угасал, однако защищаться на доктора наук я планировал именно с ней. Среди хирургической профессуры нет-да-нет встречаются те, кто не практикуется и, возможно, вообще не практиковался как врач-хирург. На сей счет, есть в хирургическом сословии понятие «не оперирующий» хирург, как правило, ушедший в науку, организацию, педагогику. К счастью, я к ним не отношусь, так как всегда оперировал, выхаживал больных. Ну, а с другой стороны, представьте себе заведующего кафедрой хирургии для усовершенствования хирургов, который сам не способен оперировать и демонстрировать это умение в целях преподавать урок, научить умению, привит навыки, поделиться личным опытом с врачами-слушателями. Поэтому, категорически не согласен с теми, кто утверждает, что я кабинетный ученый, который от неумения оперировать, засел на долго за философские рассуждения. Да, второй фронт, которым я горел, был философский. Я довольно глубоко погрузился в философскую тему. Перед глазами моими словно калейдоскоп сменялись события. Теперь, по прошествии многих лет, я знаю, что в тот момент, возможно, допустил непоправимую ошибку, забросив хирургическую тему.

Описывая набирающий обороты научный свой путь, не могу я не возвращаться к странной своей жизни. Вот так, в скачущей шахматной манере добрались мы до следующего важного периода моей жизни – защита кандидатской диссертации. А после защиты докторской диссертации (1995), я получил большую свободу действий. Согласовав индивидуальный план продолжения исследований в области хирургии и патологической физиологии, я несколько месяцев занимался чистой абстрактной философией хирургии, не думая о «применимости на практике» различных теорий и концепций, затрагивающих хирургические проблемы современности. Как раз в это время судьба всей хирургии, как науки и объекта практической работы была на грани. Сострадание, терпимость, самоотдача теряла свою привлекательность. Хирургия становилась все более заточенной на деньги, прибыль. Далее у меня пошло, как мне казалось, совсем не так, как ожидал я.

Припоминаю, что процесс приобщения к философии был дерганый, с провалами и внезапными рывками, а развязка напротив произошла неестественно быстро. Я был так занят, что практически совсем не запомнил его. Какие-то всполохи, вехи, которыми отмечал я поворот колеса моей жизни. Я замахнулся на сохранение человекообразности хирургии, то есть сразу же на что-то крупное, неисследованное. Каждая задача уже в области философской науки была для меня океаном неведомой глубины, поэтому решил я для начала сосредоточиться на чем-то одном. Я пожертвовал неявной логикой, отложив ее на будущее, и зарылся в тему морали и этики будущей хирургии. Упорно работая над текстами, я исследовал вариации развития хирургии будущего. Не хотелось бы здесь снова погрузить читателя в специфику, скажу только, что предложил я ряд мезотеорий основных разделов современной хирургии. Это касалось процесса распознавания патологии, его качественной и количественной оценки, выработка стратегии коррекционного процесса патологии, а также прогнозирования исходов. Формальную процедуру подготовки к защите второй докторской диссертации уже по философии описывать я не стану. Как и положено, я опубликовал статьи, съездил на несколько конференций с докладом. Это забавнейшая обязательная часть работы соискателя, состоящая в накручивании счетчика статей и докладов. Только одна из конференций, третья что ли по счету, в Алматы, вызвала действительно оживленную дискуссию по моей теме.

В рамках рассуждений вокруг творческого контекста «Я-концепции» хочу заметить, что в настоящее время процесс дальнейшего расщепления наук лишь ускоряется. В этом аспекте, здание Науки постепенно превращается в своего рода Вавилонскую башню, которая не может в итоге не обрушиться. Те ученые и политики, которые раньше других и наиболее остро ощутили эту проблему, стали искать пути ее решения. Причем, главным решением стало создание в различных странах Академий наук, как своего рода сообщества творческих, элитарных ученых. В этом аспекте, одной из приоритетных задач этого учреждения является сбор в единую исследовательскую структуру наиболее крупных и авторитетных ученых, призванных не только развивать отдельные отрасли фундаментальной науки, но и производить своего рода совместную творческую сшивку непрерывно создаваемой всё более специализированными науками научной интеллектуальной ткани в единое мировоззренческое полотно. И в итоге – нащупывать, прозревать и формулировать те главные вопросы, которые задают науке новое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.